

общественно-политический журнал

Готьяна Шехмистер,
«Первый снег», 2021 г., бумага акварель

СИБИРСКОЕ БОГАТСТВО

№ 1 (231) 2022

ЖУРНАЛ СИБИРСКОЕ БОГАТСТВО

Учредитель и издатель – АНО «Тюменская область сегодня»

625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81, 4 этаж, офис 410
Директор С.А.Шестаков, тел. (3452)490018

Главный редактор С.М.Кирсанова, тел. (3452)399400
Дизайн и вёрстка И.В.Прохоренко тел. (3452)399400
Выпускающий редактор Т.Д.Новопашина
Корреспондент В.А.Ермакова

Авторы: Л.П.Барабанова, П.Н.Буцинский, В.А.Ермакова, С.М.Кирсанова, Н.Э.Косполова, И.А.Комарова, С.А.Комаров,
А.В.Кузнецов, С.В.Кузнецов, А.Г.Пашук, М.С.Яблоков.

Адрес редакции:

625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81, офис 310,
тел./факс (3452) 399400, e-mail sibbog@mail.ru
Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре
и Ямало-Ненецкому автономному округу
10 февраля 2017 года, ПИ №ТУ72-01431

Журнал издаётся при финансовой поддержке Правительства Тюменской области.
Выходит с 1999 года один раз в два месяца

Журнал отпечатан в типографии АНО «ИИЦ «Красное Знамя», 625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6

Формат 60x90 1/8, бумага мелованная, печать офсетная, усл. печ. л. 10,5

Подписано в печать 07.02.2022 г. Выход в свет 15.02.2022 г. Заказ № 200. Тираж 1000. Свободная цена. 16+

ЦИТАТА НОМЕРА

Мы сохраним важнейший фактор нашего равновесия, устойчивости, стабильности и развития, ключевую несущую конструкцию общего тюменского дома – наши добрососедские отношения с Ямалом и Югрой. Эта конструкция строилась и проверялась на прочность годами. Она поддерживается солидарными усилиями всех трёх субъектов Федерации. Она – наша общая ценность.

Александр МООР,
губернатор Тюменской
области

ПУЛЬС ОБЩЕСТВА

Сохраняя набранный темп 4
Жизнь региона в зеркале СМИ

О предавших и оставшихся верными 10
Роман, посвящённый Романовым

Шаг в «цифру» сделаем вместе 16
Информационные технологии

«Как будто вся моя жизнь...» 18
Мой первый редактор

ВЕТЕР ВРЕМЕНИ

Крещение остяков и вогулов 22
Подвиг митрополита Филофея

Голос Тюмени 28
Знаменитый земляк

Медвежьи пляски: запрет снят 30
Обряды наших предков

СУТЬ ДЕЛА

Соседи по Земле 36
Место прописки – тундра

Философия управления 40
Как это делается: аккумуляторы

Вот такой перевернутый дом! 46
Душа. Креатив. Проекты

На пользу природе и человеку 50
Вторая жизнь пластика

УРОКИ ЖИЗНИ

Тайная радость сибирского гобелена 54
Мир художника: идеал и реальность

Анна Корокотина: «Передать эстафету» 60
Материнское начало

Дело в шляпке 65
Зачем тюменка Марина Сафина переодевается в купчиху Аполлинарию Шешукову?

Я – первый учитель 68
С чего начинается школа

ДОМ КУЛЬТУРЫ

Культура сибирских взвозов 74
Истоки творчества Владислава Крапивина

В плену тюменского пленэра 79
Тандем – это Таня и Дина

Человек-оркестр 84
Сибирский самородок

Счастье жить и творить 86
На все руки мастерица

Команда центра. В середине Фёдор Маслов Фото Аскар Мажмаев

ДОМ
ВВЕРХ
ДНОМ

ЦЕНТР КРЕАТИВНЫХ
ПРОЕКТОВ СЕЛЬСКИХ
ТЕРРИТОРИЙ

Вот такой перевернутый дом!

Эти ребята не любят стандартных решений и банальных названий. А ещё они по-настоящему увлечены делом, за которое взялись

Текст **Вероника СОТНИКОВА**

Т ОЧНЕЕ СКАЗАТЬ, делами, потому что, реализовав каждый очередной свой проект, они тут же придумывают следующий, ещё более масштабный.

Такие энергия, творческая мысль и опыт работы не могли остаться невостребованными в наше время, остро нуждающееся в социальных инициативах. И совсем удивительно, что намеченная на 2022 год деятельность Центра креативных проектов сельских территорий АНО «Дом вверх дном» нашла поддержку сразу двух грантовых конкурсов. Один из них тюменцам предоставил давний партнёр – Федеральное агентство «Росмолодёжь». Второй – и тут наша команда, безусловно, стала настоящим героем дня – был выделен Президентским Фондом культурных инициатив.

Президентский конкурс, связанный с реализацией проектов в области культуры, искусства и креативных индустрий стартовал в минувшем году и сразу привлек огромное количество заявок. Перед экспертами встала непростая задача – выбрать из них самые достойные. В результате в Тюменской области была отмечена двадцать

одна организация, а общая собранная ими сумма составила 19 миллионов рублей. Причём самый крупный грант – 2,7 миллиона рублей – выиграл именно «Дом вверх дном» со своим новым проектом «Не выставка шуб». Стоит ли говорить, что эти деньги будут направлены на нужное и очень важное дело. Какое? Об этом расскажет генеральный директор Центра креативных проектов Фёдор Маслов. Мне же от себя хочется добавить, что он и его товарищи – яркий пример того, как люди взялись за направление, которое хорошо понимают и которое с юности им не безразлично... Ну, а началось всё с того, что в нулевые годы многодетная курганская семья переехала из города в деревню Раскатиha, поближе к своим родственникам.

Из Раскатиha с любовью

– Сестра пошла учиться в четвёртый класс, я – во второй, а наш братишка тогда был ещё совсем маленьким, – вспоминает Фёдор Сергеевич. – Ну а дальше всё получилось забавно: в своём классе я оказался единственным учеником. И через два года, когда настало моё время переходить в четвёртый класс, был поставлен перед выбором: либо отучиться ещё раз в третьем классе, чтобы успели подтянуться другие ребята, либо сразу пойти в пятый, где уже набралось несколько учеников. Я выбрал второе, то есть «прыгнул» через класс. И, несмотря на эти организационные проблемы, на отсутствие у нас нормального досуга, кружков и секций, остался бесконечно благодарен учителям. Все они – люди старой закалки,

энтузиасты, болеющие за любимое дело. И первая учительница, настоящий мой наставник Людмила Семёновна Нечеухина, и Ирина Александровна Падерина, с которой мы устраивали выставки, участвовали во всевозможных конкурсах, даже восстанавливали местный Престольный праздник – ходили по домам, общались с односельчанами, знакомились с историей края. А ещё – и это было, наверное, самое любимое моё занятие – мы играли в КВН под руководством Ольги Сергеевны Милюковой и Татьяны Викторовны Комарских, а поддерживала все наши начинания директор школы Галина Владимировна Кубасова.

В популярном движении «Клуб весёлых и находчивых» Фёдор Маслов участвует и сегодня. После школы он поступил в Курганскую сельскохозяйственную академию и там создал команду. Дошло дело и до покорения «большого» КВН, когда, получив соответствующее приглашение, он присоединился к команде Алихана Сериковича Шериева «Джентльмены удачи». Кроме того, мой собеседник активно включился в волонтерскую работу. Собственно говоря, он всегда готов был участвовать в какой-нибудь полезной для окружающих деятельности. То вместе с родителями строил в деревне новый каток, то вместе с учительницей приводил в порядок старый полуразрушенный клуб, из которого для начала пришлось вывезти шесть прицепленных к трактору телег мусора... Очень может быть, что именно эта подростковая практика нашла впоследствии эмоциональное отражение в деятельности организованного им центра. Были и другие причины: ещё школьником выбираясь в город, он замечал, насколько больше, по сравнению с ребятами из села, городской молодёжи дано возможностей для отдыха, развития и самообразования.

Сегодня Фёдор Маслов – обладатель двух Красных дипломов (отучившись на бакалавриате в Кургане, он окончил магистратуру в Тюмени при Аграрном университете Северного Зауралья по специальности «Землеустройство и кадастр») и председатель регионального отделения Российского союза сельской молодёжи. Говоря о стимулах к росту, обязательно вспоминает участие в крупных российских и международных молодёжных площадках, самой знаковой из которых ожидаемо оказался форум «Таврида». Именно там, помогая в качестве волонтера организовывать работу грантового конкурса, он познакомился с механизмом создания и рассмотрения заявок, которые молодые соискатели подавали в поисках поддержки своих замыслов и разработок.

– У меня уже была попытка выйти с небольшим проектом на форум «Утро», но в тот раз я проиграл. А тут мы с ребятами могли ночи напролёт обсуждать и оформлять их идеи, я видел, как для них это важно, как они стремятся воплотить задуманное, сам много общался с экспертами. Мы написали, наверное, не менее сотни заявок, а потом я отправился в Челябинск на форум сельской молодёжи. Только вернулся – звонок от организаторов «Тавриды»: оказывается, они в качестве поощрения решили пригласить лучших волонтеров на заключительную смену уже как участников. Приезжаю, и меня встречают плакатом: «Вход Феде на форум без проекта запрещён!» А я ничего не подготовил, даже ноутбука с собой не взял. Пришлось искать его на месте и садиться писать. Вот так, буквально на коленке, родился мой первый проект «Комик V деревне», выигравший тогда самый маленький грант в сто тысяч рублей. И хотя сумма была действительно

небольшая, знакомые эксперты шепнули, что кое-кто из их коллег по всем пунктам поставил мне высшие оценки.

Суть проекта, который выдвинул Фёдор, на первый взгляд, выглядела достаточно просто. Он предлагал организовывать выезды в сельские территории со стендапом на социальные темы. Чтобы на метком, прикольном, близком молодёжи языке поднимать серьёзные проблемы, говорить о здоровом образе жизни, об ответственных нормах поведения. В рамках поездок предусматривались также обучающие площадки, а ещё самые активные из местных ребят должны были отправиться на КВН-фестиваль в Сочи. Другой вопрос, что начинать эту работу приходилось с нуля, когда никому ещё не знакомый парень выходил на сельскую администрацию, на местные школы, договаривался о зале и зрительской аудитории, чтобы, отмахав сотню-другую километров, не оказаться вдруг перед закрытыми дверями клуба. Завершив переговоры, Фёдор с приглашённым стендапером на собственной машине ехал в село. Он до сих пор благодарен поддержавшему его Денису Романцову, победителю конкурса «Открытый микрофон» на ТНТ. Увлёкшись идеей, Денис сам позвонил тюменскому активисту и предложил бесплатно поработать в его проекте.

– Отработал он очень здорово! Когда мы проехали шесть поселений, я отдал ему заложенные в смету семь тысяч рублей с какими-то копейками, но это даже собственные его расходы не покрыло. На следующем этапе, приглашая в проект комиков, я уже оплачивал им дорогу и проживание. Но тот самый первый сезон окончательно меня убедил в том, что подобная работа нужна сельским ребятам. Им интересно пробовать свои силы в современных видах творчества, они прислушиваются к тому, что звёзды стендапа говорят со сцены. Кстати, сельская аудитория заметно отличается от городской: в одном зале там могут собраться не только подростки, но и их родители, бабушки и дедушки. И то, что молодёжью воспринимается на «ура», взрослые, особенно живущие в небольших деревушках, оценивают по-своему. Они не поймут и не примут, если кто-то посторонний встанет перед ними и начнёт учить их жизни. Поэтому я всегда лично разговаривал с собравшимися, объяснял, что сам такой же, как они, – вырос в сельской местности, знаю их проблемы, скучаю по деревне, по своим друзьям и родным. После этого людям становилось интересно, они воспринимали шутки артистов, и встречи проходили очень тепло.

Руслан Мухтаров с телеканала ТНТ на фестивале «Комик V деревне festh» Фото Оксана Якунина

Встреча с Сергеем Владиленовичем Кириенко

Фото Пресс-служба международного форума «Мы вместе»

Ритмы культурного сердца

Имея в багаже успешно реализованный проект, Фёдор вновь решил защищаться на «Тавриде». Тогда, кажется, для него сошлись все звёзды: первые успехи давали уверенность в своих силах, а эксперты, которые поддержали его в прошлый раз, убедились в состоятельности его идей. Он даже попал на специально заявленную «стендап-смену», оказавшись со своим предложением в абсолютном тренде. Сумма нового гранта составила миллион рублей: было закуплено оборудование, команда проекта съездила на сочинский фестиваль КВН. А потом навалилась пандемия.

– Мы сперва не поверили, что это так серьёзно, – вспоминает Фёдор. – У меня уже были приглашены администратор, техники, комики. Имелась «дорожная карта» мероприятий, договоры с сельскими ДК. И вдруг приходится садиться и ждать, когда закончится изоляция. Как только были даны послабления, мы сорвались в территории: успели побывать в Исетском, Голышманово, Колесниково, Казанском, Ярково, Нижней Тавде, Хохлово и также еще в трёх посёлках в Курганской области – проект набрал силу и популярность. Мы продолжали диалог с молодёжью, вовлекали её в КВН-движение, информировали о мерах государственной поддержки на селе. А я тем временем искал идею для новой грантовой заявки: хотелось придумать проект, который не будет зависеть от очередных возможных ограничений.

Написание грантового проекта – процесс творческий, объясняет мой собеседник. И нужная мысль может прийти в голову совершенно внезапно. «В детстве одним из самых любимых моих мест в деревне была школьная библиотека. Я проводил в читальном зале массу свободного времени. Подружился и продолжал по возможности общаться с её заведующей Валентиной Георгиевной Сартаковой. И тут вдруг наткнулся на пункт национального проекта, посвящённый созданию и модернизации сельских библиотек...»

– Всё встало на места: это ведь сразу и про село, и про культуру! И название родилось: «Культурное сердце деревни». Я составил смету, написал заявку. И решил обратиться за поддержкой на конкурс «Росмолодёжи». А чтобы придать заявке больше весомости, подумал, что было бы неплохо подкрепить её письмом главы Пригородного района. И знаете, с чем столкнулся? С тем, что на этом уровне люди ничего не слышали о существовании Федерального агентства по делам молодёжи. Они просто не поняли, о чём речь, заподозрили, что мы

какие-то мошенники. Но если так плохо информирована администрация, тогда откуда молодые ребята узнают о возможностях, которые предоставляет им государство?

Забегая вперёд, скажу, что тему информированности жителей села Фёдор Маслов поднимет на форуме «Мы вместе», встретившись с первым заместителем руководителя Администрации президента Сергеем Кириенко. Тогда они обстоятельно поговорили о сложностях реализации молодёжных культурных мероприятий в сельских территориях... Ну а пока был грант на триста тысяч рублей, которые он решил направить на переоснащение раскатихинской школьной библиотеки. И поскольку её помещение находилось в хорошем состоянии, все средства, как Фёдор и рассчитывал, пошли на закупку нового оборудования: проектора, компьютеров, принтера и т.д. Сегодня он готов признаться: нравится всё, что в итоге получилось! Можно сказать, теперь это лучшее и самое востребованное помещение в деревне. Особенно довольны учителя, которым новая аппаратура позволила проводить уроки на уровне городских школ. Только по-прежнему работающая там Валентина Георгиевна посмеивается, что забот ей многократно прибавилось...

Поддержим неравнодушных

– Фёдор Сергеевич, это похоже на традиции русских меценатов: взяли и облагодетельствовали село, в котором выросли... Правда, инструменты в вашем распоряжении другие...

– Другие, поэтому я, конечно же, не меценат! Честно скажу, меценаты селу очень нужны. Я много думаю о том, как живут там люди, хочу им помочь. Когда приехал в Тюмень, мне город очень понравился, но всё равно постоянно тянет в места, где прошло детство. Сельская молодёжь отличается от городской. Ребята в деревнях привычнее к физической работе, больше времени проводят на улице. Но интересы со сверстниками в городах у них общие. И талантов в деревнях хватает, надо их развивать. После раскатихинской библиотеки я представил на грантовый конкурс расширенную версию проекта. Поскольку «Росмолодёжь» всё-таки выделяет средства на деятельность, а не на переоборудование, предусмотрел организацию в деревенских библиотеках кружков, связанных с современными видами творчества. Защищал проект четыре раза, доказывал его социальную значимость. Наконец, к концу года получил 1 миллион 250 тысяч рублей, которые мы распределили на пять библиотек Тюменской области. Завозили туда стеллажи, столы, кресла, оборудовали рабочие места для сотрудников, мультимедийные уголки. Старались в том числе предусмотреть возможности для проведения дистанционных занятий на случай какого-нибудь локдауна.

– А почему всё-таки «Дом вверх дном»?

– Отработав четыре сезона, я почувствовал, что надо поднимать планку, выходить на создание общественной организации. По своей привычке долго разбирался, вникал: как это будет работать? А нам параллельно делали сайт, и разработчик, изучая логотип «Комика V деревне» (латинская буква V выглядит у нас как перевёрнутый домик), поинтересовался: «Вам дом вверх дном так и оставлять?» Мне это понравилось: я почувствовал отсылку к нашим первым удачным проектам. А потом

был смешной момент, когда мы уже зарегистрировали организацию: позвонила девушка и поинтересовалась, нельзя ли приехать в наш перевёрнутый дом, чтобы сфотографироваться...

– Но и на библиотеках вы не остановились?

– Да... Первое время, когда ты только привыкаешь действовать в новых условиях, бывает сложным для молодой организации. Но всё-таки команда у нас была опытная, мы имели в багаже крупные осуществлённые проекты. Причём и «Комик V деревне» и «Культурное сердце деревни» продолжают жить и сегодня, мы от них не отказываемся... С другой стороны, повторяться, всё время работать с одной и той же темой я не люблю. Начал изучать условия грантодающих фондов, в частности Фонда президентских грантов. И именно в это время узнал о создании Президентского Фонда культурных инициатив. Просмотрел его критерии и загорелся! Тщательно составлял заявку, сперва даже думал о сумме поменьше... Но проблем у сельской культуры очень много. И ни для кого не секрет, что ДК там часто используют как площадки для продаж, причём не только шуб. Иногда их просто переоборудуют в супермаркеты. Потому что для желающих заниматься творчеством там просто нет условий. Ни звука, ни света, а чтобы их сделать, нужны такие вложения, которых на селе тоже нет. И это очень здорово, что фонд нас поддержал! Действительно, мы выиграли самый крупный в Тюменской области грант, но если разделить эту сумму на два дома культуры, с которыми мы собираемся работать, получается не так уж и много.

– Уже определили счастливицков?

– Я люблю людей активных, заинтересованных в успехе того, за что они отвечают. Когда мы работали в библиотеке села Колесниково Заводоуковского района, местный глава и директор Дома культуры постоянно находились рядом, поддерживали нас, вникали во все мелочи, вносили предложения. А я обратил внимание на условия, в которых они стараются хоть как-то разнообразить жизнь односельчан: на перемотанные скотчем колонки,

на микрофонные стойки, закреплённые саморезами... Новый проект позволит в корне изменить эту ситуацию: мы установим там профессиональное оборудование, стационарный экран, качественный проектор. Второй ДК, выбранный по этому гранту, расположен в микрорайоне Рошино Тюменского района. Я хорошо знаю его проблемы, потому что рядом находится офис нашей организации. Ну и, как уже говорилось выше, небольшим грантом в 750 тысяч рублей нас опять поддержала «Росмолодёжь». Эта сумма даст возможность закупить новое оборудование для домов культуры в селе Исетском и в Раскатихе. Оно будет попроще, но всё равно позволит проводить занятия по современным видам творчества: туда придут специалисты, начнут за свой труд получать зарплату...

– Фёдор Сергеевич, эта работа ещё только начинается, а вы со своей командой, наверняка, уже строите новые планы?

– Действительно, когда есть надёжная сработавшаяся команда, появляются планы на будущее. С Сергеем Владимировичем Кириенко в конце прошлого года мы здорово и конструктивно поговорили – о сельской культурной инфраструктуре, о формировании комфортной среды. О том, например, чтобы в грантовые конкурсы внести соответствующие номинации, а то пока что люди боятся закладывать в свои заявки деньги на оборудование... Ещё о том, как важно быть лидером изменений в своей территории – чтобы молодёжь сама придумывала проекты и реализовывала их у себя. А вот как их правильно оформить – здесь мы можем ребятам помочь. Да, у нас уже появилась идея нового проекта: мы мечтаем построить Дом сельской молодёжи Тюменской области. Чтобы любой парень или девушка из села могли к нам приехать, оставить вещи, пойти знакомиться с городом, с его культурными точками. Пушкинская карта для молодёжи – это очень хорошая идея. Но как её реализовать на селе? В областном центре всегда можно найти интересную выставку или концерт. А ещё мне хочется одну из комнат в этом доме сделать перевёрнутой – тогда каждый желающий сможет сюда прийти и устроить классную фотосессию. В том числе и девушка, которая подала нам эту идею!

«Комик V деревне», село Голышманово

Фото Аскар Махкамов

На пользу природе и человеку

Вторая жизнь пластика

В Тюмени действует завод по вторичной переработке использованного пластика. Здесь утилизируют неорганические отходы

Текст **Сергей КУЗНЕЦОВ**
Фото **Сергей КУЛИКОВ**

ИСТОРИЯ началась в 2016 году, когда группа единомышленников открыла на окраине областного центра завод по производству композитных изделий. Предприниматели взяли за основу уже существовавшую технологию, переделали её и разработали для производства новые товары. В течение пяти лет на заводе производят строительные материалы для декоративной отделки заборов, тротуарных покрытий, очистных сооружений, канализации и водоотведения. А самое важное состоит в том, что сырьё для производства, по сути, находят в мусоре.

– Наше предприятие – единственное в Тюменской области, которое принимает отходы

Директор завода
«Нео-композит»
**Максим
Городовских**

как очищенными, так и грязными, – говорит молодой директор завода Максим Городовских. – Перерабатываем обе категории, и это существенно упрощает процесс сбора необходимого сырья. Острого дефицита сырья мы не испытываем. Но если граждане будут активнее сдавать пластик, будем только рады.

Для вторичной переработки производители принимают уже использованный пластик у населения, закупают у пунктов сбора и сортировочных заводов. Второй составляющей полимерной массы является песок, который закупают на тюменских карьерах. Помимо песка сырьём для производства служат стрейч-плёнка, упаковочная плёнка, пакеты, пластиковые крышки, пластиковые бутылки от бытовой химии и канистры. С другими видами полимеров – например, пакетами и гнущейся пластиковой упаковкой – производители в настоящее время экспериментируют, чтобы в последующем тоже внедрить их в производство.

Как объяснил Максим Городовских, к настройке эффективного производственного процесса на заводе как раз и пришли путём проведения опытов и экспериментов. В начале производственного цикла здесь проводят сортировку разновидностей полимерных отходов,

Из горячей смеси, содержащей 75 процентов песка и 25 процентов пластика, можно лепить как из пластилина, но смесь более жёсткая и быстро остывает

при необходимости добавляют краситель. После этого смесь загружают в плавильно-нагревательный аппарат, из которого выходит горячая смесь в виде пластилина, она загружается в пресс. Путём горячего прессования получают готовые высокопрочные изделия.

Несмотря на то, что завод небольшой, объём производства внушительный – 500-700 тонн в месяц. В зависимости от видов продукции на изготовление уходит 120-140 тонн полимерных отходов. По отзывам потребителей, созданный из вторичного пластика и песка материал – долговечный, прочный и лёгкий в монтаже. Готовые изделия развозят по всей стране, а также отправляют в Казахстан и Узбекистан. В год на

ведь для каждого изделия существует своя пропорция содержания полимеров и песка. Например, канализационные люки делают из 75 процентов песка, и всего лишь 25 процентов составляет полимерная масса.

На предприятии в три смены трудятся более пятидесяти человек. Отходы полученного из мусора пластика дробят в агломераторе и на выходе получают слегка подплавленный полимер, который называется агломератом. Затем полимерную массу перемешивают с песком и

Сотрудники активно экспериментируют с составом смеси. Опытный образец шпала из прочного пластика сейчас изучают в Сколково для возможного использования на железной дороге

тюменском заводе производят порядка 100 000 колпаков для заборных столбов, 160 000 канализационных люков, 320 000 тротуарных изделий. В общей сложности 5000 тонн продукции.

– Работа такого предприятия важна тем, что использованные материальные ресурсы не свозятся на полигоны твёрдых коммунальных отходов, а перерабатываются, – считает председатель правления Российского экологического общества в Тюменской области Вячеслав Чуйкин. – Товары разойдутся по всей России и будут долго и надёжно служить людям.

Сейчас на предприятии работают над автоматизацией процесса производства и учёта производственных процессов – по прогнозу, это повысит производительность более чем вдвое. Производство на заводе полностью безотходное. Более того, готовые изделия, которые уже находились в эксплуатации не один год, на заводе тоже могут перерабатывать.

– Мы создаём новые рецепты использования отходов, – рассказал директор завода. – У нас уже есть результаты – так, остающиеся после производства вторичного сырья отходы мы научились перерабатывать в люки и плитку. Разрабатываем новые технологии производства изделий методом проката и экструзии, сотрудничаем с крупными компаниями для достижения полной переработки отходов производства.

К 2030 году по поручению президента РФ правительство должно обеспечить полную сортировку вторичных материальных ресурсов и

Произведённые изделия охлаждаются, после чего поступают на склад готовой продукции

утилизацию не менее половины того, что сегодня выбрасывается. Главный плюс в переработке полимерных отходов – решение вопроса утилизации и придание второй жизни неорганическим бытовым отходам. По данным Вячеслава Чуйкина, в настоящее время в стране захоранивают более 90 процентов отходов, поэтому таких заводов должно открываться больше.

– Процесс создания предприятий по вторичной переработке бытовых отходов будет развиваться и набирать обороты, – убеждён Максим Городовских. – Наша задача – привлечь предпринимателей, представителей власти и общества к теме экологии. При наличии таких производств отходы полимеров будут перерабатываться, не загрязняя окружающую среду.

Люки из вторичного пластика не только экологичны, но и безопасны для использования в городах

УРОКИ ЖИЗНИ

Люблю своё дело. Нравится составлять маршруты, водить гостей, отвечать на вопросы. А тем, кто мечтает о подобном, советую: сначала определитесь, ваше это или не ваше. Если история города в сердце откликается, смело на подвиги

Тайная радость сибирского гобелена

Фото Александр Романов

Текст Людмила БАРАБАНОВА

Мир художника: идеал и реальность

Сочетание слов «сибирский гобелен» звучит явно вызывающе. Подобно «персидской сирени» или «дамасской стали» есть устойчивая парочка: если гобелен, то уж, разумеется, французский.

ЭТО ИСКУССТВО огромных тканых картин в средние века называлось шпалерами. Их ткали годами целые семейные кланы ремесленников, и изображённые на шерстяных полотнах фигуры людей, замки, озёра исполнялись так искусно, что можно было различить блик света в глазу или золотое шитьё на рюшах. Однако плетение этого изобильного дворцового великолепия застопорилось, когда резко подорожал труд ткачей. И тут в 17 веке явились два брата, которые предложили разные технологические упрощения: пусть нить станет потолще, а сюжет – попроще. Кажется, они были красильщиками шерсти, и их фамилия – Гобелен – навсегда осталась в истории ткачества, как французского, так и вообще европейского (вот где памятник-то нетленный!) В России же гобеленовые мануфактуры как-то не прижились,

и сейчас это искусство бытует в основном в художественной среде как творческий продукт авторского замысла.

Тюменцы впервые увидели авторский гобелен в 1980 году, как раз в тот год, когда наш город стал площадкой для зональной выставки художников, для чего и построили выставочный зал на Севастопольской. Краски тканого ковра сверкали, переливались перламутром, сияли девственной чистотой сибирских снегов, и как-то колорит живописи в зале стусеивался, примолк и померк рядом с сиянием искристого морозного

Утро
в мастерской

Фото Александр
Романов

дня. Так заявила о себе впервые молодая тюменская художница Наталья Гордеева (тогда Мельникова). Сразу обнаружилось её особое пристрастие к белому цвету, к его переливам, оттенкам, тоновым растяжкам. И следующие её сюжеты – Северное сияние, Яблони под инеем – опять навеяны светлостью морозных туманов, нежной графикой веток в куржаке, скромной изысканностью свиристелей, подобных румяным яблокам в целомудренном сибирском саду. Сибирь здесь «морозной пылью серебрится» не в одних только сюжетных мотивах, и даже не в искрящемся колорите, а в том, что автор обнаруживает особенный взгляд: её снега, всполохи и туманы излучают какую-то тайную радость, зыбкую и трудноуловимую, как воспоминание о райском сне.

Колористический дар не спрячешь, чем бы художник ни занимался. Когда Наташа ещё училась в художественной школе, её редкую чуткость к восприимчивости цвета заметил учитель композиции Геннадий Игнатьевич Новиков. Именно его поддержка дала ей силы и дерзость поехать учиться в Москву. А потом и в Тюмень она вернулась потому, что учитель уверял: её талант здесь пригодится. Учитель говорил так: «Ты ничего из себя не представляешь, кроме таланта». И эта хрупкая нежная дюймовочка, знавшая уже успех у своих поклонников, после раздумчивой паузы согласилась энергично: «Ну да!»

Конечно, мне показалось странным услышать от Натальи Александровны, что гобелен – двоюродный брат живописи, что писать можно и нитками. Но в сущности разве я могу судить о том, что знает только сам художник? Вот этот голос-то нам и стоит послушать.

Следопыт красоты

Человек шёл по улице и смотрел в небо. Казалось бы, что тут такого? Но в тот момент мою душу словно обожгло. Во-первых, человек смотрел пристально и оттого выглядел среди реденького людского потока как-то совсем отдельно. Во-вторых, его мешковатая куртка, измазанная краской (можно сказать, рубище) не в силах была скрыть изящество его движений и особенную стать. Вот мы привыкли описывать привлекательность человека словом «красота», а красоту сводим к стандартам. Но мне кажется, гораздо сильнее нас трогает не красота, а выразительность облика в движении: бровь, взлетающая от удивления наискосок, или танцующая походка. Этот поразивший меня принц-и-нищий нёс на лице такую-то печальную полуулыбку, и над её загадкой, обращённой внутрь, я долго бессильно билась, как человечество вечно бьётся, разгадывая улыбку Моны Лизы.

Самое смешное в этой ситуации – поразивший меня персонаж работал со мной в одной мастерской худфонда, гигантской по площади, в этой настоящей «коммуналке» где-то за занавеской он имел свою выгородку. Я даже слышала ше-

Он был одержим стремлением к совершенству

Фото из архива семьи Гордеевых, автор неизвестен

Фрагмент гобелена «Цветы и туча»

Фото из архива семьи Гордеевых, автор неизвестен

поток о нём: молодой талантливый живописец после Репинки, из Ленинграда. Так что вскоре всё сошлось, моё видение обрело краткую биографическую справку. Его звали Николай Газеев.

В общем, я пропала. Отчётливо помню момент: Коля уехал с группой художников делать мозаику в пионерском лагере. А мне на время уступил свою мастерскую Геннадий Игнатьевич, мой учитель по художественной школе. Хочешь – рисуй, хочешь – читай. Так нет же, я сижу на подоконнике и маюсь от ожидания. У меня, такой деятельной, полный паралич воли. Все чувства в одиночестве обостряются нестерпимо.

Можно подумать, что виной тому обаяние улыбки, тонкие пальцы или изящная пластика, за которой угадывалась сила сайгака. Дело серьёзней: Колю я видела как сгусток творческой энергии. Он жил исключительно в сфере эстетики, не снисходя до житейского, и воплощал в абсолютном измерении мой тогдашний идеал художника. Запросто мог по зимнему снежку пойти в сандалиях, а летом – в кирзовых сапогах. Быт для него не существовал. Сферу быта он царственно подарил мне, когда мы стали жить вместе. Это случилось после зональной выставки 80-го года. Мы тогда с Колей впервые выставились в Тюмени и по итогам получили жильё в малосемейке. И, сказать честно, в первое время центр моего творчества переместился с гобелена на Колю: хотелось его пригреть-приодеть. Можно сказать, что я растворилась в его напряжённом мире. Ведь он был следопыт красоты, одержимый стремлением к совершенству. Свои композиции он выверял в десятках вариантов. Кажется, вот нашёл... Через полчаса всё стёрто. Скорее всего, меня-то он видел как часть интерьера, в лучшем случае – как цветок на подоконнике. Когда у нас родилась дочь Настенька, он радовался: ещё один цветок. Но это совсем не значило, что он пойдёт на компромисс с реальностью и задумается о

деньгах. Подобная мысль никогда не залетала ему в голову. Хорошо ещё, что я понимала этот склад психики и не осуждала его.

В Тюмени Коля как-то не прижился. И когда он года через четыре собрался в Ленинград, я сильно не горевала. Ведь все семейные проблемы привыкла одолевать сама. В Ленинграде история до нелепости повторилась: женился, родилась дочь, уехал – на этот раз навсегда – в Алма-Ату, к родителям. Однажды я увидела во сне, что Коля примеряет на себя чёрный костюм, изводилась, что ему худо, и срочно выслала ему денежный перевод. Он долго оставался в моём сознании рыцарем искусства, преданным ему до крайности. Сейчас он пишет свои композиции в какой-то халупе в отрогах Тянь-Шаня. Более известен своими работами в Европе, чем в Казахстане или в России. Настя наблюдает за его успехами через окошко интернета.

Двоюродный брат живописи

Если бы у меня были две жизни, одну из них я отдала бы живописи, а другую – гобелену.

В училище я занималась на отделении художественного ковроткачества и вскоре поняла, что гобелен очень близок живописи. А что тут удивляться? Ведь и нитками можно писать, то есть выразить тончайшие цветовые отношения. Я окончательно в этом убедилась, когда увидела на выставке в Москве (в середине 70-х годов) гобелены Люрса. Вот где потрясение! Например, свою радость по поводу победы над фашизмом он выражает в композиции «Три солнца»: ликующие лучи трактованы здесь как животворные ветви. Люрса убедил меня, что в гобеленовом образе художник в состоянии выразить себя, своё отношение к миру. Но, разумеется, это возможно, если владеешь мастерством. Ведь «зерно» шерсти имеет объём и в силах пере-

дать эффект свечения, переходы одного цвета в другой. От его «Бабочек Амазонии», розовых, золотых, искрящихся на чёрном фоне, просто не оторвать глаз.

Я люблю писать тонкими нитками, собранными в пучок. Цвет тогда можно получить трепетный, сложный, близкий к естественному. Перед процедурой ткачества готовишь красками композицию на картоне (совсем как в живописи), а потом подкладываешь картон под нитки основы. Если возьмётся ткать исполнитель, он станет следовать изображению на картоне буквально. А если я сама сяду за станок, то буду всё время настороже: вот здесь лучше взять ниточку не активно жёлтого окраса, а жёлтого с переходом в зелень... А здесь в пучок лучше включить не голубую ниточку, а лиловую. А какая бесконечная градация у белого цвета... Словом, у автора идёт постоянная импровизация. И, конечно, я постоянно экспериментирую с анилиновыми красителями шерсти, что-то добавляю в раствор или долго держу нитки в слабеньком травяном настое.

Когда я готовила свой первый гобелен (для ресторана «Русь»), очень сроки поджимали, и пришлось мне прибегнуть к помощи Тобольской ковровой фабрики. Там мастерица работает от звонка до звонка, ей надо прибыль цеху обеспечить, и она безукоризненно точно выполняет то, что ей картон диктует. Как бы читает по нотам, но песню-то она не знает.

Недавно я рассматривала в каталоге зональной выставки репродукции представленных гобеленов. Мне они напоминают декоративные плакаты. А мне в гобелене хочется видеть тень, как она тает... как воздух сияет...

У живописи перед гобеленом какое явное преимущество? Своё состояние или мысль художник может выплеснуть быстро, энергично, импульсивно. А технология гобелена – только для особо терпеливых, здесь на пути к результату столько манипуляций с нитками. Вот почему я всё чаще и чаще беру в руки кисть. Наверстываю упущенное.

Молоток и гвозди

Гобелен «Северное сияние» я ткала в областной библиотеке целый год. В длину полотнище более семи метров, мне самой даже и не сыскать помещение для таких габаритов. Торопилась, ткала без выходных, Настю подбросила к маме. Надо было успеть к областной выставке (86-го года). И тут ломается подрамник, и значит, недопустимо ослабевает натяжение нитей основы. Побежала искать молоток и гвозди. Спускаюсь вниз, а там в полуподвале сидит мужчина с элегантной бородкой. Услышал мой вопрос, усмехается: «А я не сойду за молоток и гвозди?» Мне не до шуток, отмахиваюсь. А он говорит: «Да я инженер, давайте посмотрим ваш механизм». Всё выправил без всякого молотка, при помощи рычагов, да ещё и разные технологические тонкости помогал осваивать мне, Дуне-тонкопряхе.

Технология гобелена – только для особо терпеливых
Фото Александр Романов

Так началась наша любовь и дружба с Сергеем Гордеевым, и с той поры мы неразлучны.

А почему он сидел в воскресенье в подвале областной библиотеки? Да его, инженера по телефонной связи, забросили в предвыборную кампанию на избирательный участок. После своего горького брачного опыта я не уставала поражаться, что мужчина мечтает стать твоим тылом, опорой, надёжной пристанью. Может, это мне выпала компенсация за обольщенья юных дней? Сергей и собак наших выгуливает, и лапы им моет...

Кстати, собак у нас явно многовато для городской квартиры: кроме постоянных Охры и Умбры недавно появился ещё шарпей голубого окраса. Вроде перебор. Но у шарпея Бонапарта такая история. Дотянул он до 7-месячного возраста в холе и сытости, и тут его хозяину пришло в голову пристрелить. В последний момент, правда, рука хозяина дрогнула, и он отвёз его в собачий приют, где псы обречены на то же околевание, только замедленное, под присмотром специального персонала. А с этим подобием собачьего лагеря для перемещённых лиц держит постоянную связь моя подруга Ольга Мальцева, она просто всю свою жизнь сейчас положила к ногам беззащитных животных. И

**У каждого своя шубка.
Настя среди любимцев**

Фото Александр Романов

она говорит мне: «Неужели этот молоденький шарпей издохнет у нас на глазах?» У неё самой полная горница бездомных щенков. Так мы и приютили на реабилитацию голубого аристократа со шкурой «в складочку». К чему это я говорю? Да всех этих несчастных животных и развозит на своей машине Сергей. Безотказно!

Как видите, порой стечение случайностей даёт неплохой результат. У кого-то внезапно ломается подрамник, у кого-то (в тот же момент!) срочная служебная командировка в честь выборов. Выходит, выборы не всегда имеют сугубо политический смысл? Так или иначе, мы ежегодно с Сергеем празднуем день 25 февраля, день молотка и гвоздей.

Привидение

Про такое событие говорят: как снег на голову. Газеев позвонил не то с вокзала, не то из аэропорта, уж не помню, откуда он выпал. Мол, прибыл и хотел бы с Настей писать этюды! Странно как-то. Говорю: Настя ещё не вернулась с практики. И мы договорились встретиться возле дома, на верхогуре которого моя мастерская. Стоим возле детских качелек. Коля такой же изящный, стильный, лёгкий. А лучше сказать, налегке, с юношеским рюкзачком. И тут меня

И мир в моей груди

Фото из архива семьи Гордеевых, автор неизвестен

пронзило открытие, что... Есть такая тайна понимания без слов и выразительных жестов. Как собака моментом считывает душу человека, так и я вдруг открыла, что ни эта лёгкость, ни красота не имеют никакого отношения к моей судьбе. Мы расстались с ним лет 17 назад, у меня семья, стаж страданий и радостей земных, бесконечные тревоги о моих девочках, а Коля на шестом десятке лет остался всё таким же воровушкой, в рюкзаке которого вместились весь его скарб, а может, и жизненный опыт.

Понимаете, претерпеваемый опыт кладёт печать на наши лица. Надо только не лениться читать по ним. Почему Леонардо так беспощаден в рисунках старческих лиц? Он словно прикасается к тайне ответственности зрелого человека за своё лицо. В одной физиономии читается скаредность, в другой поражает уныние. А Коля предстал беззаботным вечным юношей. И как-то вмиг исцелилась я от прежней болезни. Видно, обветшали мои прежние идеалы.

В мастерской Коля много рассказывал о забытом всеми одарённом художнике, на архив которого неожиданно напал в Алма-Ате и чьи письма (а может, дневники) штудировал, публиковал, пропагандировал. За чаем хвалил мои пирожки. А я ещё возьми да и поддразни его: «Была бы у тебя, Коля, жена, не расставался бы с пирожками». На что он отвечал без промедления: «Тогда лучше уж без пирожков». Видите, его позиция прозрачна: оставьте меня в покое.

Ещё вот какой момент. Перед мастерской мы забежали в магазин, у меня заварка кончилась. К тому же перед витриной я вслух подумала о каком-нибудь лакомстве. Но Коля резко оборвал мои поползновения: «Я буду пить только чай!»

Как это меня резануло! Добро бы это говорил юный художник, у которого пустота в карманах кажется уместной. Но в 50 лет размахнуться на пир в честь редкой встречи пачкой чая! Что-то в этой аскезе вызвало во мне такое неловкое чувство, какое я не в силах описать. То ли стыд, то ли горечь, то ли презрение.

В рюкзаке у Коли лежали кисти, любовно упакованные. Он говорил, что сейчас разводит краски только на живице. Похоже, что он и впрямь готовился к этюдам, но когда примерно через неделю с практики вернулась Настя, он исчез из города (а останавливался у друга, жил на даче). Так и осталась для нас с Настей неразгаданной тайна его визита. Словно проплыло мимо бестелесное привидение. Так что же происходило на самом деле?

Доченьки мои

Помню, когда Алёна уехала в Петербург (она училась тогда в медакадемии), и уехала-то всего-навсего на каникулы, в жизни моей возникла такая пустота. Вдруг ощутила, что именно Алёна разогревала наше пространство, она энергетический центр в нашей паре. Знаю же, что скоро вернётся, а всё равно маюсь. Нечто подобное уже случалось: сидела на подоконнике, как сжатый колос, в ожидании возлюбленного. Но сейчас-то я знаю, чем исцелить эту маету: кидайся стирать, шить, варить. Меси тесто. Иначе чувства достигнут разрушительной остроты.

А каково мне было пятнадцатилетнюю Настю собственными руками отдать Москве? Разумеется, в любимое моё художественно-промышленное училище. Для утверждения в нашей профессии чем раньше начнёшь учиться, тем лучше. Ведь в училище одна только библиотека чего стоит! А какой культурный кругозор спасибо дать столица! Ответи-то отвезла, да только у Насти такая тоска по дому приключилась: ревёт и ревёт... Поехала в октябре навестить её и привезла домой на побывку. Ну, в конце

Живопись может явиться в дом с утилитарной вещью. Роспись Насти Газеевой

Фото Александр Романов

концов справились мы с неизбежной разлукой. Следом за отделением росписи в училище Настя закончила факультет современного дизайна в Академии технологии управления, успешно оформляет интерьеры. Словом, у меня была в Москве своя путеводительница в художественном мире. Почему была? Да вернулась Настя в родные края, и теперь мы делим с ней пространство одной мастерской.

Ничто так, как живопись, не даёт простор для выражения печали о невозможности гармонии. Вот ступаешь на эту тропу – сердце замирает, кругом тишина, и только светится объект твоего обожания: серебристая капуста, старый сарай, убегающая собака или город-крепость, созданный людьми и заточивший их (даже деревья не могут вырваться). Но когда встаёт над городом солнце – город прощён: заиграл разноцветными гранями домов, засиял небом, утонул в синих тенях – попробуй напиши. Так проходит жизнь живописца.

Чем моложе художник, тем смелей и цельней может он выразиться. Настя жадно и темпераментно ловит красоту цветов, заката над деревушкой, фонаря, разогнавшего темноту переулка. Но заветная её мечта – роспись мебели, когда живопись приходит к вам в дом с утилитарной вещью. И это уже не роспись, а диалог. Попытка художника сделать ваше пространство эксклюзивным.

Получается, обе дочери – словно половинки моей души. Романтичная, тонко чувствующая Настя – и энергичная, разумно организованная Алёна, работающая сейчас врачом в московской клинике. Ради общения с ними я готова отодвинуть все свои дела и заботы. Мне интересно смотреть на мир их молодыми глазами. Конечно, я сейчас помешана на живописи, выкраиваю для неё каждый час в своём напряжённом графике, где есть место ученикам художественной школы, кастрюлям, собакам. Но всё-таки искусство не даёт мне ощущения такой полноты бытия, как творчество материнства.

Послесловие

Зелёную часть Гордеевы проводят в Речкино, в уютной, когда-то крестьянской усадьбе, где Сергей Николаевич ведёт нескончаемую стройку с перестройкой. Зимой в усадьбе обитает только Барбос, приبلудный пёс местных кровей. Ему выстроили будку, утеплили её старыми шубами, а пропитание приходится подбрасывать сухим пайком. Едва повеет сыррым весенним ветром, пёс всё выходит на дорогу, и только учует шуриание знакомых шин, кидается новообретённым хозяевам навстречу, шалея от радости. Собачье чувство благодарности всё-таки недостижимо для нас, при всей нашей царственности.

Дачно-деревенская жизнь в России мало располагает к лени: не прополка – так третья охота, не грибы – так варим варенье. И всё-таки каждый

день с пунктуальностью Уинстона Черчилля ровно в 5 часов Наташа объявляет своим близким: «Извините, господа» и удаляется с мольбертом на этюды. Ловить на холсте впечатления, которые пригодятся ей в живописных композициях. С возрастом внутренний голос всё настойчивей убеждает её, что ради главной страсти стоит потеснить все остальные заботы.

Помните, что внушал учитель: «Ты ничего из себя не представляешь, кроме таланта». Он явно имел в виду талант колориста. А опыт, мне кажется, выявил в ней золотую жилу творчества, к чему бы она ни прикасалась – к детям, собакам, цветам на фоне заката, любимым мужчинам, пирожкам, вязаным жилеткам, яблоням под инеем, рисункам старых мастеров, облакам, кастрюлям, калиткам, ведущим в никуда... Наверное, при таком даре жизни можно и «ничего из себя не представлять». Решительно ничего!

Ради главной страсти стоит потеснить все заботы

Фото из архива семьи Гордеевых, автор неизвестен

Анна Корокотина: «Передать эстафету»

Материнское начало

Она родилась в 1930 году на Украине, в городе Щорсе. Во время Великой Отечественной войны семья эвакуировалась в Томск, так судьба Анны Марковны оказалась прочно связанной с Сибирью, её традициями, образом жизни и людьми

Текст **Сергей КОМАРОВ**

ПОЛУЧИВ филологическое образование в одном из лучших университетов страны – Томском, выпускница Анна Корокотина распределилась на работу в вечернюю школу рабочей молодёжи. Её удивительная самодисциплина, ответственность за дело, юмор, системность знаний и потрясающая способность в устной речи соединить ясную информацию с пафосом решения сложных задач весьма пригодились молодому педагогу в общении с преимущественно мужским составом послевоенного поколения вечерней школы. Поэт Давид Самойлов о поколении отцов этих мальчиков писал так:

*«Они шумели буйным лесом,
В них были вера и доверье.
А их повыбило железом,
И леса нет – одни деревья».*

Талант и характер Анны Марковны были замечены вузовским руководством, пригласившим её на работу в университет, где она без аспирантуры написала и защитила кандидатскую диссертацию. Будучи человеком глубоко идейно ориентированным, коммунистом, но с демократическими убеждениями, Корокотина избрала предметом исследований период наиболее острых дискуссий в литературе – 1920-е годы - и до конца жизни оставалась одним из наиболее крупных специалистов по знанию материалов и процессов той далёкой эпохи, написав в 1980-е монографию о методологических поисках в литературной критике тех лет.

Кандидатская диссертация её была посвящена писателю Юрию Либединскому, который занимал в середине 1920-х годов особое и авто-

После
заседания
кафедры.
А.М.Корокотина
и С.А.Комаров.
ТюмГУ, 1988 г.

Фото М.Губайдуллин.
Из личного архива
С.А.Комарова

ритетное место в литературном процессе – на начальном этапе становления отечественной словесности как литературы именно советской. Анна Марковна была вхожа в семью писателя, поддерживала отношения с его вдовой, оставившей умные и ценные воспоминания о времени, его затекстовых реалиях.

Научным пристрастием Корокотиной всегда была писательская критика. Она исходила из убеждения, что именно когда писатель пишет о другом, он наиболее открыто что-то проговаривает о себе, видит в чужом своё, причём самое дорогое, сокровенное, то, что обычно в своих текстах чем-то прикрывает, даже заглушёвывает. И этим углом зрения она пыталась заразить студентов и особенно тех, кто шёл писать к ней дипломные работы или диссертации. Кроме того, в панораме споров 1920-х годов о литературе она поразительно различала оттенки мысли и позиции в рядах тех, кто оказывались, казалось бы, по одну сторону баррикад, в одной группе, почти рядом. Но Корокотина чувствовала те идейные сантиметры, которые разводили людей во времени, порождая страсти и ломали судьбы.

В конце её исследовательской карьеры Анну Марковну интересовали три крупных фигуры поколения людей, родившихся в 1910-е годы, то есть предшествовавшего ей поколения, – это

Дмитрий Лихачёв, Александр Солженицын, Сергей Залыгин. Через них она пыталась для себя понять некую глубинную правду эпохи – перехода от предсоветского к советскому и постсоветскому состоянию русской культуры. Это был прежде всего личностный, а не сугубо профессиональный интерес.

Анна Марковна была одним из приглашённых специалистов, повлиявших на превращение тюменского вуза из пединститута в развитую структуру с университетским классическим образованием. Под её руководством и непосредственным влиянием были созданы новые учебные программы, введена система спецсеминаров и спецкурсов, приглашались учёные-преподаватели из различных городов страны, талантливые студенты отбирались для работы на кафедре и обучения в целевой аспирантуре. Не случайно из сформированной ею кафедры впоследствии выделились три: зарубежной литературы, журналистики, издательского дела и редактирования.

Сотни выпускников-филологов, первые десятки журналистов – не из Свердловска, а свои, местные, – обязаны профессиональным самоопределением этой жёсткой, принципиальной и патриотически настроенной женщине, которую по праву именуют «матерью тюменской филологии».

Любимым вопросом, который задавала Анна Марковна, о чём знали все, защищавшие курсовые, дипломные или диссертационные проекты, был: «Что можете сказать о культурно-историческом контексте изучаемого вами явления?». Она всегда исходила из того, что история и культура создают некие рамки, и в их пределах человек принимает те или иные решения, определяет свою стратегию поведения. Ей была введима жёсткость и узость этих рамок в разные десятилетия жизни. Она справедливо считала, что прежде чем судить о художнике, следует понимать заданные ему возможности жизни и творчества, не осуждать, а ценить в нём ту меру адаптивности к среде, которую он проявил через себя, через биографию и труды.

Анна Марковна одной из первых почувствовала культурологический разворот в отечественной гуманитаристике от социологии и повела в этом направлении литературоведов региона. Именно её пригласили из Сибири столичные специалисты для составления трёхтомной хрестоматии по истории советской литературной критики, именно её имя из всех тюменских гуманитариев знали в разных точках страны. Десять тюменских филологов защитили под её руководством кандидатские диссертации.

С какими бы сложностями ни сводила судьба эту женщину, чувство справедливости и жизнестойкости, благодарности поколению отцов и ровесников всегда руководило ею. Спасибо вам, дорогая Анна Марковна, за большую школу жизни, за пример и профессию.

Сергей Комаров,
доктор филологических наук

Слово от внуков

Все мои ученики знают нашу бабушку. Да, они живут в разных частях света, никогда не были на её лекциях. Но бабушка «живёт» на моих занятиях. Когда мне нужно привести пример благородного, блестяще образованного, преданного делу и людям человека с королевским достоинством, я рассказываю о ней. Анна Марковна была женщиной редкой породы и интеллигентности. Мы её немного боялись, но с раннего детства понимали, как нам повезло.

Только мне десятки людей рассказывали, как она изменила их восприятие мира, подняла планку, научила и помогла. Каждый, кто лично знал её, может рассказать свою историю. Моя же будет слишком личной.

Однажды сказала ей: «Эту книгу читать не буду, я смотрела фильм по ней». Бабушка ответила: «Это всё равно, что отказаться знакомиться с человеком, потому что уже видел его фотокарточку». Вот так исчерпывающе доходчиво и образно она умела донести мысль. Вся жизнь с книгами, студентами, лекциями и статьями. Писать и работать. Говорить, учить отдавать.

Когда бабушки не стало и нам нужно было получить документы в больнице, дежурный врач задала мне вопрос: «Бабуля болела?». В тот момент я кожей почувствовала, как это слово ей не подходит.

Мария Кондратович

**Выступление
на научной
конференции
в ТюмГУ,
середина 1990-х.**

Из архива семьи
Кондратовичей.
Автор неизвестен

Слово от внуков

Из детства мне врезалась в память одна картина, как я иду за руку с бабушкиной ученицей, показываю на встречные хрущёвки и говорю: этот дом я построила, этот дом я построила. Мне работа строителя казалась предельно понятной. Вот ничего не было, и вот стоит здание. Видно, как изменяется облик города, разрастаются архитектурные ансамбли.

Со временем пришло понимание того, что труд педагога – это такой же очевидный процесс по созданию фундамента личности. То, что было заложено мудрым наставником, учителем, обязательно найдёт отражение в ученике.

В ноябре 2021 года бабушка могла отметить свой 91-й день рождения. Трудно точно сказать, сколько лет было отдано педагогике, около семидесяти, наверное. Ещё будучи школьницей, она уже работала вожатой в пионерских лагерях. Ученики становились друзьями на долгие годы. Так уж случилось, что эта дружба прошла испытания и горестями, и радостями. Не было дня, чтобы в доме не прозвучал телефонный звонок. Родственники, друзья, коллеги, ученики без привязки к каким-то календарным событиям могли позвонить, получить слова поддержки, совет, поделиться новостями.

Бабушка всегда старалась идти в ногу со временем, даже когда физически уже не ходила. Активно следила за информационной повесткой, интересовалась книжными новинками, осваивала гаджеты.

В день, когда мы сообщили о том, что сердце Анны Марковны остановилось, пришло много сообщений от людей, которых мы даже не знали. Но люди писали, вспоминали, и красной нитью через все сообщения шла мысль: Анна Марковна их изменила, вдохновила на какие-то перемены, смелые шаги, заложила вектор в профессии. Она учила не литературе, не критике, она учила быть ищущим, цепким, жадным до всего нового, быть честным и прямым, упрямым и смелым, но при этом дипломатичным и корректным.

И вот за все эти годы разлетелись по городам и весям педагоги, журналисты, учителя, писатели, бизнесмены – её ученики – и уже они транслируют идеи вечного поиска, жажды познания, человечности и созидания.

Анна Кондратович

Сила и сердечность

Помню заседание кафедры, где вот-вот состоится защита моей диссертации. Рецензенты перешёптываются, работа лежит передо мной, а мысли прыгают в голове, не складываются в слова. Рядом со мной сидит Анна Марковна. Она улыбнулась, назвала меня по имени и что-то ещё сказала (жаль, что слова уже не помню, а может быть, в волнении их и не слышала)... Но непостижимым образом я стала отважной и сильной. Потом, в разные периоды жизни, я снова и снова вспоминала ту её улыбку и её голос. И всякий раз получалось отыскать в себе полученную от Анны Марковны отвагу говорить то, что думаешь, быть бесстрашной, когда речь идёт о важных для тебя вещах.

Думать о других (почти обо всех) с искренним приятием и заботой – разве можно так широко? Хватит ли сердца? Бывает ли так? Ответы на эти вопросы можно найти в воспоминаниях об Анне Марковне, которыми щедро делятся её ученики на страницах социальных сетей и в официальных публикациях.

Перечитываю поздравления, опубликованные в сети к 85-му юбилею Анны Марковны...

Как это было недавно! Из поздравления Серафимы Николаевны Буровой: «И всё-таки именно материнское начало было и есть основа и творческой, и педагогической, и вашей руководящей работы». На наши студенческие жалобы (в далёком 1989 году) о том, как мы робеем под строгим взором Анны Марковны, Серафима Николаевна произнесла памятную фразу: «Вы, девочки, даже не представляете, какие фиалки цветут в сердце Анны Марковны». Уже спустя годы я искала по подругам фиалки для Анны Марковны, вспоминая верные слова о редкой сердечности нашего учителя.

Из поздравительных слов Ольги Константиновны Лагуновой: «Пережив многое сама, она не утратила способности чувствовать чужую боль как свою. Под тяжестью своих бед всегда находила силы откликаться на беды чужие. Она никогда не давала эмоций взять верх над разумом. И не потому, что эмоций было недостаточно или их энергетика была слаба, а потому, что умела держать любой удар, была наделена какой-то особой природной мудростью. И именно эта мудрость и удивительная внутренняя сила помогали ей преодолевать крутые повороты судьбы и спасали других людей, уже ни от кого не ждущих помощи».

Из поздравления Натальи Петровны Дворцовой: «Мы все, ученики Анны Марковны, – счастливые люди: мы знаем, что высокие истины, о которых мы читали в русской литературе, существуют, мы открывали и продолжаем открывать их в сложной и счастливой жизни Анны Марковны. Анна Марковна, спасибо вам! И простите».

Про счастье Наталья Петровна написала очень точно, а ещё точнее звучит слово о прощении, к которому хочется присоединиться. Простите меня, Анна Марковна, что не успела поговорить о самом главном. Простите, что в суете и проблемах не нашла время навестить. Простите за опоздание.

*Надежда Никулина (Пономарёва),
кандидат филологических наук*

Выступление А.М.Корокотиной с ответным словом на юбилее, ТюмГУ, 1985 г.

Из личного архива
С.А.Комарова.
Автор неизвестен

Из воспоминаний А.М.Корокотиной

В июне 1941 года мне было 10 лет, я закончила третий класс. В 1939 году участвовала в каком-то конкурсе, в финале которого читала на сцене Колонного зала Дома Союзов отрывок из «Сказки о царе Салтане» Пушкина. Мама долго хранила программку среди самых важных документов. Меня приняли на учёбу в детскую студию при московском радио, осенью я должна была начать учиться игре на скрипке...

25 мая мама отвезла нас с двухлетним братом на летние каникулы из Москвы на Украину, к бабушке, в город Щорс Черниговской области, о военных буднях которого в период оккупации рассказал А.Рыбаков в романе «Тяжёлый песок». Это родина моих родителей. Этот город стал местом и моего рождения, и рождения брата. Живя в Москве, рожать мама уезжала туда.

С известием о начале войны прервалась связь с Москвой. Многие эвакуировались, а мы всё ждали, что родители найдут каким-нибудь образом возможность связаться с нами. Обстановка становилась всё тревожнее. Однажды город был засыпан листовками, призывавшими всех уходить из него, так как те, кто останутся, будут уничтожены. Поток людей потянулся в ближайшие деревни. Мы смогли отойти на 14 километров. Бабушка несла брата на руках, перевязавшись большим клетчатым платком. У меня за плечами был небольшой рюкзачок. Очень помогла бабушкина племянница тётя Сара. Она все военные годы была для нас верным и бескорыстным помощником.

В деревне мы подошли к дому давней бабушкиной знакомой тётки Ганы, которая много лет каждую неделю привозила на продажу свежие продукты. Она вышла на крыльцо и сказала: «Прости, Лиза, не могу, у меня дети». Тогда уже знали, что может ожидать за помощь евреям.

Мы расположились в саду. Всю ночь от дальних разрывов трясло деревья, и нас болело било яблоками. Едва рассвело, бабушка решила вернуться домой. «Что будет, то будет», – сказала она. В доме нашем были выбиты окна, дверь болталась. Кто-то сказал, что в этот день ещё отправлялся поезд в эвакуацию. Бабушка стала лихорадочно собираться. Где-то раздобыла деревянный сундучок, сложила в него два костюма ушедших на фронт младших сыновей, их рубашки и обувь и с помощью старика-соседа закопала сундучок в подполье. (Когда она вернулась в 1945 г., в сундуке всё сгнило, а пришёл с фронта один сын).

Из ценных вещей оставалась одна новая простыня. В неё завернули наши скудные пожитки, и мы двинулись к поезду – бабушка с братом, который был привязан к ней платком, я со своим рюкзачком и тётя с узелком. Дом наш был недалеко от вокзала, но состав находился где-то на запасных путях. Обстрел города не

**Анна Корокотина,
1949 г.**

Из архива
семьи Кондратовичей.
Автор неизвестен

прекращался. По дороге спрятались в недавно вырытое бомбоубежище, но от взрывной волны вход засыпало землёй. С трудом откопали и толпой бросились почти бегом, боясь опоздать на поезд. Я упала, тётюшка едва спасла меня из-под ног бегущих. Но мы успели. Это было 28 августа. 29-го город был взят фашистами.

В товарных вагонах с двух сторон были сделаны широкие двухэтажные полаты. Мы расположились внизу, с нами ещё женщина с дочкой постарше меня. Обстрел, бомбёжки не прекращались, поэтому поезд периодически останавливался и раздавался приказ: «Из вагонов!». Помню, однажды выскочили в кювет с водой глубиной выше моего роста. Кто-то помог, приподнял. В другой раз все оказались на насыпи, улеглись в ряд. Недалеко от нас две женщины легли с двух сторон от мальчика лет 12, как бы защищая его своими телами. Но шальной осколок попал в середину. Трудно забыть их беспредельное отчаяние.

**Аня Корокотина
(слева)
с одноклассниками,
1938 г., Москва.**

Из архива
семьи Кондратовичей.
Автор неизвестен

Иногда поезд останавливался у населённых пунктов. Около домов были огороды, и те, кто мог, запасались овощами. Потом, если время позволяло, разжигали костры и варили или пекли картошку. С приказом «По вагонам!» хватали своё варево и возвращались в поезд. С тех пор и на всю жизнь совершенно не принимаю хоть немного недоваренный картофель.

Как-то остановились около огорода, где за картофельным полем росли подсолнухи, большие, аппетитные. И мы с соседкой по полатам Розой побежали туда. Но остановка оказалась очень кратковременной, и, услышав призыв «По вагонам!», мы поспешили обратно. Бежать по картофельной ботве было трудно. Когда мы приблизились, поезд был почти на полном ходу. В последнем вагоне ехали солдаты. Один из них выпрыгнул, забросил нас и заскочил сам.

Двери у вагона с обеих сторон были открыты. Вокруг рвались снаряды... Только с годами я могла представить, что пережила бабушка, пока на следующей остановке мы не добрались до своего вагона.

Через какое-то время всех стали подкармливать полевые кухни. Наша семья не сразу смогла нормально воспользоваться этой помощью из-за отсутствия какой-либо посуды. Помогло то, что нас разыскала подруга младшего сына бабушки и взяла над нами шефство. Она и кастрюльку где-то раздобыла. Почему-то запомнился особенно вкусный суп на станции Воронеж... К середине октября мы приехали в Новосибирск, где нас всех (или нет) высадили. На заасфальтированной привокзальной площади, застеленной газетами, люди устраивались как могли. Постепенно всех разбирали приезжавшие из ближних районов и областей на разном транспорте.

Не знаю, как долго мы там пробыли, но один эпизод был неповторимым. Однажды около нас остановилась молодая, стройная красивая женщина. В это невозможно поверить, но перед нами была моя первая учительница из 398-й московской школы Фарида Александровна Ханмурзина. Это она вместе с худруком Юрием Михайловичем перед войной готовила меня к будущим творческим подвигам. Добрую память о ней я пронесла через всю свою жизнь. А встреча была совершенно непредсказуемой: мы – с далёкой Украины, она – из Москвы... Фарида Александровна наделила нас с братом сказочным подарком – настоящими булочками.

Не помню, как долго мы пробыли в Новосибирске, как добирались до Кемеровской области, откуда за нами приехали, отчётливо вижу, как наша телега приближается к деревне, перевалив через мосток, останавливается у первой избы на пригорке в начале длинной деревенской улицы. В доме была одна большая комната. В ней разместили три семьи, одиннадцать человек (мы все ехали в одном вагоне).

Здесь стало известно, что Москва не сдаётся (в дороге была другая информация). Бабушка

В кругу студентов техникума, 1955 г., г. Томск.

Из архива семьи Кондратовичей.
Автор неизвестен

выстирала ту самую новую простыню, продала её, как помнится, за 90 рублей и пошла пешком в сельсовет, чтобы на эти деньги оттуда дать телеграмму в Москву. А родители тоже в надежде получить от нас известие не уезжали из Москвы, хотя подшипниковый завод, где они работали, уже заканчивал эвакуацию. Но день неизбежного отъезда настал. Это было 16 октября – самый тяжёлый для Москвы день войны и фатальный в нашей судьбе. За несколько часов до отбытия эшелона мама хватилась сумки с документами, поняла, что оставила её. И как раз в тот час, когда она добралась до дома, принесли телеграмму. Совпадение нереальное, можно было разминуться в минутах, и тогда неизвестно, когда и как родители смогли бы нас найти в селе Сапогово Ленинск-Кузнецкого района... И как и на что могли бы мы жить без одежды, без средств, с единственным рабочим кормильцем – тётушкой.

А теперь они знали, куда ехать. Завод на протяжении долгого пути через всю страну делал несколько высадок, но наши родители оставались до последней – до Томска (он ближе всех к Кемерово), где обосновался 5 ГПЗ (государственный подшипниковый завод – ред.), на котором родители и проработали до конца своих дней.

Однако приехать за нами мама смогла только в феврале (суровые и строгие военные будни в тылу). А пока я пошла в школу. В кожаных ботиночках, прорезиненном плаще, закутанная сверху всё тем же бабушкиным клетчатый платком. Школа располагалась в противоположном конце деревенской улицы, а морозы в тот год были крепче нынешних. В классной комнате топилась печка с духовкой. Возле неё для меня ставили табурет и заправляли в духовку мои ноги. Каждое утро наша учительница приносила мне четвертинку молока. Иногда она забирала меня к себе на выходные дни. К стыду своему, я не помню её имени, но благодарная память останется живой. Доброта, отзывчивость, сочувствие, взаимопомощь – то, что помогло выжить в невыносимо трудные годы. Нельзя допустить повторения тех обстоятельств для проверки жизнестойкости этих качеств в нас сегодняшних.

С подругой О.И.Блиновой, будущей главой научной диалектологической школы Сибири, 1953 г., г. Томск.

Из архива семьи Кондратовичей.
Автор неизвестен

Зачем тюменка Марина Сафина переодевается в купчиху Аполлинару Шешукову?

Дело В шляпке

Текст **Ирина НИКИТИНА**

Тюменцы гуляют в любую погоду, а уж если она «держит себя в руках», то есть не особо шалит, значит, гуляют до победного, накапливая впечатления до конца затяжной зимы, на всю раскисшую весну, в общем, до самого лета

А ВЫ ЧЕГО СИДИТЕ?! Ну-ка, глушите телевизоры-компьютеры-утюги-плиты-пылесосы, немедленно одевайтесь и идите, нет, бегите на улицу, чтоб найти Марину Сафину. Вы точно видели её в исторической части города в красивейшем одеянии под старину. Если не видели, то слышали от кого-то про необычную мадам. Это та самая девушка, которая переодевается в купчиху Аполлинару Ивановну Шешукову, владелицу салона «Венский шик», стоявшего на улице Спасской, ныне Ленина, и показывает местным и приезжим совсем другую Тюмень. Тюмень XIX века. Но Марина – не только купчиха. Ещё она бабушка Ефимия, цыганка... С кем захотят встретиться туристы, того персонажа и получат.

За Сафиной, основательницей собственного бюро путешествий, большой фантазёрки, человека ответственного, доброго, внимательного, одним словом, сердечного, наблюдать не скучно. Уж больше 10 лет мы дружим в соцсетях и раз в несколько лет пересекаемся для беседы. К одной из таких встреч меня подтолкнуло старое дурашливое видео на личной страничке Марины, где её, 13-летнюю, интервьюирует сестра, прося ответить на вопросы в микрофон – шариковую ручку.

- О чём вы мечтаете?
- Учиться на одни пятёрки по всем предметам.
- Кем вы хотите работать?
- Актёром.
- Ну, кем именно: режиссёром, оператором?
- АКТЁРОМ!

С таким очаровательным экскурсоводом не хочется расставаться после прогулки
Фото из архива Марины Сафиной, автор неизвестен

Она уже и забыла о том «экзамене» перед родственницей, но запись вдруг нашлась. Пересмотрела 15 раз. Расчувствовалась. Потому что действительно мечтала играть, придумывать, творить, но шла к этому извилистой дорогой... Обо всём наша самый заметный на сегодняшний день экскурсовод расскажет сама.

Лишь бы поболтать

Мои родители – простые люди. В 90-е папа работал водителем автобуса, который арендовали для туристов. Иногда он брал меня в рейсы, и когда люди выходили на экскурсию, я вставала к микрофону и представляла себя очень важной птицей. Видимо, в ту пору на подкорочку что-то записалось.

Кружок по декоративно-прикладному творчеству, театральная студия с малозначимыми ролями... А у меня амбиций столько! Любила читать. Любила писать сочинения и изложения. Рассказывать что-нибудь обожала – близких просто забалтывала. В старших классах появилась мысль стать радиоведущей, но учитель «объяснила», что в этой профессии знание английского языка обязательно. Как же так, ведь я французский учу. Ладно, забуду.

Может, всё-таки в актёры? В журналистику? Может, на адвоката выучиться? В старших классах – УПК. Выбрала организацию детского досуга вместо бухгалтерских курсов. Наш преподаватель Маргарита Григорьевна Михейкина активно знакомила с краеведением. Помню, всю неделю искала ответ «о первом ссыльном в Сибирь неодушевлённом предмете». Так и не нашла. А это, оказывается, колокол из Углича. Тогда-то и начала про Тюмень и Тюменскую область краеведческие источники изучать.

Поступила в институт культуры на менеджера социально-культурной деятельности. Мама смеялась: «Будешь как Гурченко в фильме «Моя морячка» народ развлекать». Ну и что! Опытном владела: на каждый семейный праздник придумывала для родни шоу, викторины, конкурсы.

В культурном котле

Учусь в институте, ищу подработку. Как же мы мечтали устроиться в «Арт-палас» на площади 400-летия Тюмени! Мечтали-мечтали, а здание, увы, несли. Когда после капитального ремонта открылась филармония, пошла туда гардеробщицей. Жизнь кипит, жизнь бурлит, и ты в гуще событий: то звёзды выступают, то губернатор с визитом приехал, то журналисты набегут, а я, получается, – одна из первых, кто встречает гостей улыбкой.

Вышла из вуза с красным дипломом. Не будешь же с подобным документом в гардеробе сидеть? Много где поработать пришлось, но всё это было не то. Чувствовала, что молодость моя как вода сквозь пальцы утекает. И вот нашла в газете объявление, что в музей требуется экскурсовод. На работу принимала Татьяна Михайловна Исламова. Основная ставка – менеджер по рекламе, а в свободное время – экскурсии.

Самую первую провела через девять месяцев – мне дали школьный лагерь. Я осталась в музее на три года, пока не перешла к Елене Макаровой, открывшей туристическое агентство «Любимый город».

Марина ведёт туристов по Александровскому (Загородному) саду. С ним связано много историй про женскую красоту

Фото из архива Марины Сафиной, автор неизвестен

Рождение звезды

Образ купчихи родился неслучайно. Мы перелопатили кучу литературы (от «Очерков из жизни Сибири» Надежды Лухмановой до книги «Сибирь как колония» Николая Ядринцева и печатных номеров «Ермака и «Сибирского края»), чтобы найти нечто интересное, не затасканное коллегами. Вот оно: Аполлинария Ивановна владела «Венским шиком», продавала шляпки на взрослых и детей, вела курсы кройки и шитья (иногородних девиц, приехавших на заработки, обучали тамбурному шву, плиссировке, гофрировке, ретуши, глади), была женщиной деловитой, модной, вездесущей. Срочно к большому экскурсионному заказу сшили наряд в тёмно-коричневых тонах – это было нужно для «усиления легенды»: «чтоб местную грязь на подоле не замечать». Выхожу к группе в 50 человек. Первое предложение, глубокий вдох, второе, отворачиваюсь, чтоб перевести дыхание... Так потихоньку, не сразу, но нашла свой стиль.

Есть в моей биографии почти год жизни в Петербурге. Спасибо мужу, что исполнил мечту. К сожалению, экскурсоводов там – как... отпрысков сибирских котов, отправленных отвоёвывать город у крыс во время войны. Образование, опыт, курсы, аккредитация – всё у меня есть, а работу по профилю найти не смогла. Дошло до того, что поехала устраиваться в трамвайное депо. Кудри навила, пальто цвета фуксии надела – кондуктор, называется. Конечно, мне отказали, аргументировав, что в четыре утра вставать такой яркой дамочке будет сложно. А потом... А потом я приехала в Тюмень к папе на юбилей, включила старую sim-карту, и сразу посыпались заказы. Меня не было здесь девять месяцев, а люди не забыли... Иду по городу: небо, солнце – всё такое родное. Как же я соскучилась! В малых городах легче занять нишу, главное – делать что-то нестандартное и делать с большой любовью, достойно, честно.

То кринолины, то тулупы

Бренду «Тюменская купчиха» уже больше пяти лет. Я и продюсер, и менеджер, и режиссёр, и актриса и даже тренер. Подготовила ассистента, так как одна уже не справлялась – гостей из Перми, Челябинска, Екатеринбурга приезжает всё больше, запросы растут, а я не могу разорваться... Кстати, прошлым летом на улицы Тюмени уже выходила ещё одна купчиха. Конечно, у неё совсем другая манера подачи материала, но быть такой же, как я, вовсе необязательно – мы все разные и особенные!

Большую корпорацию создавать не хочу. Сама выбираю объём, который могу осилить (за выходные, они самые активные, провожу 5-8 экскурсий). Многих моих сверстников пугает мысль работать на себя. И у меня, конечно, был страх. Кредиты брать не стала. Наша услуга по

**Бабушка Ефимия –
та ещё хулиганка**

Фото Оксана
Климерова

сути представляет воздух. Вся деятельность – в телефоне. В будущем хочу оформить сайт – ещё проще станет, освободится время для творчества, разработки новых экскурсий, репетиций.

В обычной жизни на улице меня не узнать, а в образе – конечно. Иду по городу, люди машут, приветы передают. Туристы стали спрашивать, какой актёрский вуз оканчивала. Значит, был во всём смысл. Значит, нужно было всё испытать, чтобы получилось вот так. Теперь могу и как цыганка сказать, и как еврейская девушка, и по-купчески сообразить.

Люблю своё дело. Нравится составлять маршруты, водить гостей, отвечать на вопросы. А тем, кто мечтает о подобном, советую: сначала определитесь, ваше это или не ваше (если история города в сердце откликается, смело на подвиги), комфортно ли с четырьмя десятками незнакомых людей пару часов провести. Ну и изучение специальной литературы никто не отменял, как и тренировку фантазии и смекалки.

**В запасе
у Сафиной –
миллион историй
про Тюмень**

Фото Оксана
Климерова

КРАСОТА, ОДНИМ СЛОВОМ

Название салона «Венский шик», неожиданного для купеческого города, объясняется просто. Когда Исаак Меррит Зингер изготовил швейную машинку, процесс пошива одежды значительно ускорился, а успешные в этом ремесле Австрия и Вена стали первыми законодателями моды. Дома, торгующие платьем, появились по всему миру. Для поддержания статуса их хозяева обязательно приписывали на вывесках «Венский шик». Сибиряки взяли на заметку – присоединились к славе. Сама Шешукова начинала со шляпок, потом переключилась на платья. За сутки её мастерицы брались изготовить наряд любой сложности.

Что же внутри заведения Аполлинарии Ивановны? На столике лежат журналы, только что доставленные из Франции. Полистаем, что понравится, закажем. Молодые купчихи носили пышные, но закрытые платья, украшенные брошками. Правда, приглушённых тонов. Ведь Тюмень – город «несусветной грязи», в которой в 1826 году, как писала «Сибирская торговая газета», в районе Гостиного двора утонула лошадь ржевского мещанина Андрея Березнякова. А вот обувь модницы предпочитали высшего класса. Та же газета описывала случай, когда поздним-поздно к аптекарю постучалась дама и попросила бензину, чтобы протереть туфельки – так спешила на маскарад в клуб приказчиков, что испачкалась.

Украшений надевали много: какие в доме найдутся. Тут и жемчуг, и сапфиры, и червонное золото. Все пальцы в кольцах. Недаром про тюменок говорили: пестрят, как новогодние ёлки. Одни из главных атрибутов – шляпка и зонтик. Первая укрывала лицо от солнца – загар в то время был не в моде. Второй защищал от ветра и, быть может, недоброго взгляда.

Не все купчихи одевались так заметно, как Шешукова и последовательницы её таланта. Жена Николая Дмитриевича Машарова Екатерина Евграфовна предпочитала скромное, но золотое платье, минимум косметики и украшений. И тоже выглядела великолепно.

Моде тюменские барышни ещё как следовали. Вот как по этому поводу отзывалась Надежда Лухманова: «Если популярен рыжий цвет, то все женщины от понедельника до субботы вдруг порыжели и уверяют своих мужей, что всегда были такими. Если в моде тощая фигура, то все вдруг отощали, да так, что даже тени не отбрасывают». Зачем же наши прародительницы наряжались? Незамужние спешили выйти в свет (на маскарад или прогулку по Загородному саду) и найти подходящую пару. Ну а замужними женщинами... жвастались сами мужья. Вот, мол, каков я: не жалею денег на любимую!

Я – первый учитель

Фото Полина Антоненко

С чего начинается школа

Текст Виктория ЕРМАКОВА

В беседе с тюменскими педагогами мы недавно коснулись важной темы. Разговор зашёл об оценке учительского труда – не материальной, нет... Говорили, скорее, о некоем общественном признании: о том, что когда педагог стоит перед классом, ученики могут его любить, родители – уважать, но это практически семейное состояние взаимного комфорта, скорее всего, не выйдя за рамки школьного коллектива. В лучшем случае спустя годы после получения аттестата зрелости ставший успешным человек добрым словом вспомнит учителя, сумевшего подвести его к выбору профессии

Н А ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД кажется, что так и должно быть: работа педагога адресована будущему. Но если взглянуть в ситуацию – и в этом мои собеседники были совершенно правы, – любому учителю необходима «обратная связь». Чтобы здесь и сейчас определить: а в верном ли направлении он идёт? И если по складу характера он не стремится участвовать в конкурсах профессионального мастерства (а мы знаем, что тысячи педагогов настолько сосредоточены на учебном процессе, что не готовы от него оторваться даже на короткое время), найдётся ли объективное мерило их личного опыта и наработок? Словом, была задана тема для размышления. И, как это нередко случается, вскоре пришла и подсказка. В редакцию обратился коллектив родителей. С просьбой рассказать на страницах журнала об учителе начальных классов Анастасии Сергеевне Знаменщиковой.

Так уж у нас в обществе повелось, что первый учитель – понятие почти сакральное. Взрослея, мы можем начать забывать, как звали преподавателей в старших классах, но имя того, кто нас встретил когда-то на пороге школы, будем

помнить всегда. Влияние первого учителя на развитие ребёнка бесспорно и огромно, и тем не менее журналистам нечасто приходится писать об этих людях. Я, например, поймала себя на том, что много раз готовила материалы о замечательных «предметниках» или общалась с руководителями образовательных учреждений, однако в рамках «Сибирского богатства» с учительницей начальных классов познакомилась впервые. И важно, что именно родительская инициатива стала поводом рассказать о ней всему региону. До этого информация об Анастасии Сергеевне распространялась методом «сарафанного радио»: вчерашние ученики выросли, их место за партой занимали другие мальчишки и девчонки. И доброй молвы прибавлялось. И сегодня, выбирая гимназию № 16, родители иногда настаивают на том, чтобы их ребёнок попал именно к Знаменщиковой. Хотя сама она к своей популярности относится спокойно: «Да, директор гимназии мне говорила, что в мой класс идут...»

Семейный вектор

Мы встретились во второй половине дня, когда школьные коридоры заметно опустели. Расположились в по-современному уютном классе, где внимание сразу привлекли развешанные на стенке акварели. «Ребята учились рисовать пейзаж, знакомились с линией горизонта. Привыкали к тому, что картина должна быть в красках, и если там присутствует белый, то это не цвет листа бумаги, – объяснила моя собеседница. – Родители учеников помогли мне натянуть верёвочки с крючками – работы теперь удобно крепить. Они висят у всех на виду, и взрослые, заходя в кабинет, с удовольствием смотрят, что же рисуют их дети».

Анастасия Сергеевна пришла в школу двадцать лет назад. Отучила три полных – с первого по четвёртый класс – начальных выпуска и несколько неполных, когда по разным причинам замещала своих коллег. Сегодня у неё снова первоклашки – тридцать четыре крошечных человечка, делающих первый шаг в направлении взрослой жизни. Так что ещё одно отступление и маленький штрих к портрету моей собеседницы: я заметила, что она практически не пользуется сложными формулировками, что её ответы вдумчивы и по-хорошему прозрачны. Возможно, потому, что именно слово – тот тончайший педагогический инструмент, без владения которым невозможно представить взаимодействие с таким нежным и хрупким материалом как детская личность.

– Сколько себя помню, всегда мечтала работать в школе. Не так давно побывала в родном Ишиме, встретила там со своей первой учительницей Натальей Анатольевной Кузьминой. Она показала мне моё сочинение, которое хранит до сих пор. Оказывается, ещё тогда я писала, что хочу быть похожей на неё. Возможно, это всё

из семьи: моя бабушка преподавала немецкий язык, дедушка – ему исполнилось уже 95 лет – черчение и рисование. А ещё я знаю, что дедушкин папа был священником и обучал грамоте ребятшек. Но подобное понимание пришло не сразу. О корнях начинаешь задумываться с определённого возраста, когда вдруг задаёшь себе вопрос: кто ты и почему такой, какой есть?

В чём особенность работы с малышами? Да, собственно, именно в этом: передо мной дети, и они мне очень доверяют. И любое слово, сказанное для того, чтобы научить, может их обидеть. Работая в школе, нужно ответственно относиться к каждому замечанию, к каждому действию, даже если оно продиктовано лучшими побуждениями. Но понимание того, как в какой ситуации следует себя вести, приходит не сразу – это всегда трудный опыт. Я часто вспоминаю слова нашего завуча Татьяны Владимировны Брус. Она была из числа строгих, но мудрых наставников, умеющих направить молодёжь. Однажды я услышала от неё фразу, которая многое расставила по местам: «У детей «не хочу» означает «не могу». А у взрослых – наоборот...» И это правда: трудно себе представить ребёнка, который чего-то не хочет делать. Просто у него пока не получается. Но если ты найдёшь способ ему помочь, он обязательно справится со своей задачей.

**Стараюсь
почаще выходить
куда-то
со своими
учениками, ведь
это так здорово**

Фото
из личного архива
А.Знаменщиковой,
автор неизвестен

В классе всегда найдётся место сказке

Фото
из личного архива
А.Знаменщиковой,
автор неизвестен

– А если учитывать, что все дети абсолютно разные, то и способы эти должны каждый раз меняться. Получается, работа педагога – «штучная»?

– Да, мы постоянно говорим об индивидуальном подходе к ребёнку – кажется, такое заезженное, избитое определение. Но на самом деле здесь скрывается важнейшая связь, которая создаётся только в процессе постоянного общения. Ученик должен чувствовать, что учитель воспринимает его таким, какой он есть. Видеть, что рядом помощник, на которого можно рассчитывать, к которому не страшно обратиться за поддержкой. Что он – да, может сделать справедливое замечание, и тогда его слова нужно принять к сведению. Но как выйти на такие отношения? Только через контакт один на один, позволяющий педагогу распознать и задеть нужную струнку. Дети не всегда способны выразить словами то, что они переживают. Разволновавшись в разговоре со взрослым, они нередко забывают о проблеме, которая их тревожит. Вот и приходится очень аккуратно вытягивать информацию, чтобы решить, как помочь ребёнку дальше. У меня в классе был мальчик, который очень долго помнил обиды. Как-то он начал резко задевать девочек-одноклассниц, и я, видя, что замечания не действуют, оставила его для разговора. Дело в том, что индивидуальные беседы не просто помогают мне лучше узнать учеников, но и приучают их самих общаться с окружающими, показывают им значимость диалога. Оказалось, две недели назад девочки наговорили в его адрес неприятных вещей, а он всё это время молчал и копил негатив, который теперь не даёт ему успокоиться. Я предложила: поговори с ними ещё раз, объясни, почему ты обиделся. Пообещала, что они его обязательно поймут. Он послушался, и ребята помирились. А главное – доверие ко мне этого ученика заметно возросло.

Был и другой случай – мне пришлось принять третий класс, когда коллега, которая вела его два года, ушла в декрет. А поскольку она была действительно отличным педагогом и ученики

к ней привязались, каждый из них по-своему переживал расставание. Я обратила внимание на то, что один из мальчиков ничего не записывает и постоянно крутится на уроках. Поинтересовалась, что его беспокоит. А он уже был очень развитый и умел хорошо формулировать мысли. И честно мне ответил: «Я к вам не привык, я любил ту учительницу...». Но дело в том, что и у меня в детстве была похожая история. Когда моя любимая учительница заболела, я не могла слушать тех, кто её замещал. И студентов, приходивших на практику, тоже слушать не могла: мне казалось, что все они говорят недостаточно красиво. Я ему об этом рассказала. И когда мы нашли общую эмоциональную точку, он сумел всё правильно оценить и постепенно ко мне расположился.

– Очень часто слышу, что без любви к детям не может быть настоящего педагога. Вы согласны: любовь – основа отношений в классе?

– Необходимо любить каждого ребёнка, это правда. Иначе плохо будет и ему, и его семье, и самому учителю. Но не так запросто это даётся, не всегда получается. Я постепенно поняла одну очень важную вещь: в любом из находящихся передо мной ребятшек есть что-то такое, за что его обязательно можно полюбить. Надо только разглядеть эту чёрточку. Я этому научилась. Хотя, возможно, до сих пор не очень легко говорю детям о том, как к ним отношусь. Но думаю, надо... Ведь чем больше мы с ними открыты друг другу, тем легче мне их чему-то научить.

– А с родителями как контакт устанавливаете?

– Точно так же, через общение. Во взаимодействии со взрослыми людьми, опирающимися на сформировавшиеся взгляды и требования, тем более не должно быть никакой недосказанности. Если это требуется, тоже приглашаю их побе-

Цветы – самый неоспоримый символ признательности любимому педагогу

Фото
из личного архива
А.Знаменщиковой,
автор неизвестен

седовать. На первом собрании всегда говорю: давайте высказываться! Появился вопрос или какое-то сомнение – обязательно звоните или приходите в школу. Только не откладывайте разговор. Отлично знаю: начнёшь откладывать, и все «непонятности» будут нарастать как снежный ком.

Дом для всей команды

– Удивительно, но сегодняшний школьный класс внешне мало отличается от класса моего детства...

– В школу в последнее время приходит всё больше различных изобретений. И любой наглядный материал можно распечатать или показать на экране. А когда-то всё необходимое для уроков мы делали сами с помощью ножниц, карандашей, цветной бумаги, красок. Но ведь творчество, особенно совместное, захватывает и развивает, поэтому до сих пор стараемся что-то рисовать, вырезать, клеить. Вот на стене лист ватмана, а на нём с помощью аппликаций, с помощью рисунков «строится» дом. В основе – фундамент из кирпичиков. Эти кирпичики – «помощь», «доброта», «дружба». Выше – окошечки-команды. Когда я была школьницей, в младших классах ещё сохранялось деление на октябрятские «звёздочки», когда ты объединялся со своими друзьями каким-то общим делом. Сегодня тоже есть распределение обязанностей: кто-то отвечает за порядок в столовой, кто-то – за внешний вид класса, кто-то помогает учителю, кто-то проводит по утрам для всех зарядку. Это важно: ребёнок не просто приходит в школу, чтобы отсидеть уроки, он учится выстраивать контакты с окружающими, пробует себя в разных ролях. Работа в команде выводит его на необходимость договариваться, более того, искать компромисс, что не всегда удаётся и не всегда нравится. Когда мы слушаем своих детей, нам кажется, что их проблемы такие маленькие. Но для них-то они большие и сложные. Дети сосредотачиваются на них, думают, переживают. Учатся преодолевать. Привыкают отвечать за свою инициативу. Одна из девочек, например, предложила ввести в классе обязанности юмористов, которые каждый день будут всех смешить. Я сказала: давайте, это здорово! Ребёнок должен понимать, что его идеи интересны и его голос услышан. Недаром в программе воспитания у нас есть модуль «самоуправление» на уровне класса и гимназии. Ученики имеют слово в гимназическом совете, один из старшеклассников избирается президентом. Но старост, ответственных за какое-то конкретное дело, мы назначаем с пятого класса. А младшие отвечают за данное им поручение вместе. У них сейчас очень интересное время – знакомства, сплочения. Мы используем игры, которые призваны объединять участников, работаем в парах, узнаём друг друга и запоминаем, а параллельно понемногу привыкаем ориентироваться в окружающем мире.

Такое трогательное совместное поздравление

Фото из личного архива А.Знаменщиковой, автор неизвестен

Детская непосредственность – неисчерпаемый источник энергии и вдохновения

Фото из личного архива А.Знаменщиковой, автор неизвестен

– А вы чему-нибудь учитесь у своих малышей?

– Я учусь у них удивляться. Детская непосредственность – неисчерпаемый источник энергии. Учусь мыслить как они. Когда нам предстоит организовать какое-нибудь мероприятие, можно опереться на готовые наработки. А можно дать детям высказать свои предложения. И вдруг услышать нечто такое, чего нет даже в интернете, хотя порой кажется, что там есть всё... Думаю, такие свежие, неожиданные идеи может высказать только ребёнок. Когда класс отмечает праздники, связанные с временами года, с государственными датами, мне не хочется повторять то, что мы устраивали в прошлом году или ещё раньше с другими учениками. Я выношу предложение на обсуждение, и постепенно появляется новое, неожиданное для меня самой решение. Вот так друг друга и подпитываем – эмоциями, фантазиями. Погружаемся в наши весёлые выдумки, пробуем создавать что-то своими руками.

– А какими-нибудь своими увлечениями их заражаете?

– Я очень люблю гулять. Совместные прогулки с сыном, наверное, сейчас моё главное хобби. Искренне считаю, что свежий воздух – это основа здоровья. Сын недавно начал кататься на двухколёсном велосипеде, и я подумываю купить велосипед и себе. Коньки у нас уже есть. До пандемии я старалась постоянно куда-то выходить со своим классом: мы могли отправиться в библиотеку, в кинотеатр, в колледж искусств. Я приучала ребят к тому, что это так здорово: идти строем, держаться за руки, разговаривать. Дойдя до проезжей части, вспомнить правила дорожного движения. К сожалению, современные дети не любят ходить пешком: родители записывают их в многочисленные кружки и возят на машине, чтобы везде успеть.

Конечно, то, что они сегодня такие развитые и разносторонние, это хорошо. Способности и знания в разных областях помогут им всегда выбирать в жизни собственную дорогу. Жаль только, если в этой спешке потеряется простое удовольствие: пройтись по парку, посмотреть на снежинки или облетевшие листья. Поэтому мы всё-таки гуляем: уже ходили с первоклассниками в соседний корпус гимназии – там очень красивый актовый зал. И прекрасный сквер рядом, который так и называется «Школьный». Когда-то его разбили первые учителя и ученики нашей гимназии.

– *Кстати, вы пришли в этот коллектив после института и работаете здесь все годы?*

– Да, мне очень нравится атмосфера, которая здесь сложилась. Часто слышу от людей, что у нас тепло и уютно, и понимаю, что это не просто вежливые слова. В нашем коллективе отношения строятся на доверии, на взаимной поддержке, на умении вникать в ситуацию, и всё это идёт от директоров. Очень многое в своё время сделала Валентина Михайловна Слепова, теперь её традиции продолжает Наталья Александровна Филиппи. Не случайно мы любим и бережём свою историю: в гимна-

зии есть музей, где можно увидеть предметы прошлых лет, фотографии, документы, даже настоящую старую парту.

– *Ваша коллега стала победительницей конкурса «Учитель года – 2021». А вы не хотели бы однажды выйти на такую же площадку?*

– Все мы радуемся за Екатерину Сергеевну Костылеву, знаем, что её победа была неслучайной. Но такой конкурс – это огромная ответственность. И работа целой команды... Нет, я давно уже решила, что я – простой учитель. С удовольствием могу провести мастер-класс или открытый урок, но больше всего мне нравится, когда выступают и показывают результаты мои дети. Недавно ученики младших классов получили возможность участвовать в научно-практической конференции «Шаг в будущее», который раньше был адресован старшеклассникам. Я была председателем жюри этого конкурса на городском уровне, а мои ребята уже завоёвывали там места. Для многих из них такое выступление – настоящая мечта, к которой они стремятся.

– *Подростки часто к вам забегают?*

– Часто! Особенно пятиклассники. Приходят и признаются: Анастасия Сергеевна, мы снова хотим в первый класс!

**В детстве
всё кажется
огромным.
Но первый
учитель поможет
«поднять» любую
науку**

Фото
из личного архива
А.Знаменщиковой,
автор неизвестен

ДОМ КУЛЬТУРЫ

Мы впитывали всё то, что нас окружало, ещё не осознавая ценности этой удивительной среды, наблюдали, как меняется сезон за сезоном, как здешняя природа и сами дома словно переходят из одного состояния в другое

www.stena.ee фото Жюль Аегра

Культура сибирских взвозов

Истоки творчества Владислава Крапивина

Когда покидают этот мир личности подобного масштаба, страницы их жизни часто остаются недочитанными, недопонятыми – загадкой, ребусом, тайной

Текст **Наталья КОСПОЛОВА**

В САМОМ центре Тюмени стало модным проводить экскурсии по местам «крапивинской славы». Но почему-то никто не интересуется истоками, первородным моментом, началом крапивинского литературного подвига. А связано оно с оттеснённой на задворки вечно куда-то спешащего, бурлящего событиями областного центра улицы, не менявшей своего названия со времён основания Тюмени и венчающей Деделов лог с задорно журчащей по его дну Тюменкой. Деделов лог, удаляясь от Туры, некогда ответвлялся в сторону железной дороги, превращаясь в Вишнёвый, и в сторону недавно модернизированной затюменской бани, образуя Малогородищенский овраг, и весь этот исторический каньон просматривался с параллельно проходящей по высокому склону улицы Нагорной, которая в острожные времена служила основанием крепостной стены. Со

времён первого благоустройства переселенцев Нагорная улица не меняла своей структуры и названия. В те далёкие дни склон был оснащён частоколом из плотно прилегающих друг к другу сосновых и кедровых брёвен, откуда открывался стратегический обзор будущего посада.

Острожные постройки не сохранились, но боевой дух непокорённых завоевателей, то, что называется «гением места», до сих пор витает над вытянувшейся по склону оврага цепью бревенчатых домов. С чем-либо в Тюмени сравнить Нагорную вряд ли получится. Вроде берег – но не береговая линия Заречья, заливаемая водой. Вроде центр, но в 19-20 веках – грязь непролазная, и по весне редкий ребёнок не терял в сугробе драгоценный валенок. Да и если центр это, то специфический: весь ряд нечётных домов огородами сползал в овраг с Тюменкой, а из окон чётных домов просматривались обетованные

Наталья Косполова вспоминает атмосферу старого дома её семьи

Фото Надежда Павлючкова-Кочнева

дали Гостиного двора и Благовещенского собора. Сама Нагорная хорошо видна была даже из Зареки: этакий мини-мирок, перекликающийся со стенами монастырских угодий Троицкого подворья. Эта улица – настоящая градостроительная загадка: в течение столетий обозреваемая издали, как Тобольская Рентерея, она незаслуженно обделена вниманием архитекторов. Самая оригинальная в ландшафтном отношении, отмеченная одинокой доминантой Крестовоздвиженской церкви, Нагорная создана для масштабного туристического проекта с рискованными квестами для школьников и пленэрными маршрутами для студентов. Известно, что в «Ямской» период в Затюменке на слуху были Казанская, Ирбитская и Ямская – ядро слободы. Ирбитская и Казанская улицы представляли собой концовки невесёлых сибирских трактов и прочно впитали эхо кандалных звонков. Ямская связывала эти параллельные тракты цепью ямских вотчин с миром Кармацких и Каменных слобод. А Нагорная, не богатая постоянными дворами, малоэффективная как проезжая часть, размываемая весной ручьями, устремляющимися в непролазную глубину оврага, была в тени.

Загадки Нагорной улицы

Нагорная нашего детства чётко разделялась на три участка: от Никольского взвоза до Казанской – самый дальний от нас и далеко не самый цивилизованный участок, уже после семи вечера погружающийся в непроглядную тьму, не потревоженную единственным на всю улицу подслеповатым фонарём... От Казанской до Ирбитской – крепкие старые дома Ковалёвых, Антипкиных, Ивановых, и на самом повороте – наш, Елизаветы Борисовны Алексеевой-Поповой с семейством. Семейство принадлежало к именитым старожилам Нагорной улицы и в составе имело множество разновозрастных потомков и саму Елизавету Борисовну, первую женщину-врача в Тюмени.

Потомки Е.Б. Поповой – это её сын Валентин Васильевич и его супруга Лидия Дмитриевна с тремя детьми, старшей из которых была моя мама – Елизавета Валентиновна Попова. Нагорная 32 – этот адрес наизусть знала вся улица, потому что Елизавета Борисовна была детский врач, помогающий любому по первому зову советом, добрым словом или неотложной помощью.

Атмосфера дома на Нагорной была такова, что не могла не очаровать и не запомниться. Даже случайно вошедший гость впитывал раз и навсегда ауру, вобравшую самое главное от девятнадцатого века: не зажиточность, не церемонность, а истинную неподкупную русскую образованность. Не все живущие вдоль лога оказывались постоянными гостями дома, зала которого с охотничьими трофеями у восточной стены целиком была уставлена книжными

шкафами с тяжёлыми старинными книгами. Но те, кто становился здесь своим, менялись, и менялась их судьба.

... Розовая и белая мальва, кусты розы, клёны и вязы, маленький, но щедрый огород и массивный, как флигель, сарай – клеть, доставшаяся от кожевенно-промыслового богатства, – такого набора по всей улице не было более нигде. Сам дом в былые времена был двухэтажным, трёхчастным, «флагманом» среди эсминцев-домишек и домишек.

Одним словом, местечко «с историей». По сведениям домочадцев, нам досталась одна из заброшенных купеческих усадеб, горная и подгорная области соединялись здесь длинными головокружительными спусками, и даже моя мама с подругами на фанерках опробовали крутой склон не раз, не два, а каждую зиму стократно. Мы – другое поколение – побаивались оказаться в ручье, протекающем по дну лога, и всё-таки, соревнуясь друг с другом, в зимние вечера скатывались с крутого склона в романтическую неизвестность исторической архаики.

Прибрежная архаика

По весне вся Нагорная бурлила. «Берега» каждой лужи превращались в причалы и пристани, и как вы думаете, во что играли девочки с Нагорной? Кукол практически не было, единственную пузатую неваляшку доставали по праздникам, и у девчонок в стёганных штанах и сапогах лучшим развлечением была игра в разбойников в овраге и пускание корабликов по весне. Все ручейки в марте стекали в лог, перебегая поперёк улицы Нагорной, и тот счастливцев, кто сумел раздобыть скорлупу грецкого ореха, делал лодки, лодочки и кораблики, и с этих соревнований водных регат весной могла начаться крепкая дружба.

Мы ощущали себя на высоком склоне, как истинные горцы, а огромную Туру, что была не видна, но дышала властными мокрыми ветрами, представляли как море, в которое впадала заплывавшая между холмами Тюменка.

**В.В.Попов,
Е.Б.Алексеева-
Попова
и одесские
родственники,
гостящие
на Нагорной**
Фото из архива семьи
Косполовых,
ретушь А.Гололобовой

Гуляя по Нагорной, нужно чётко представлять себе, что должен дать тебе этот путь. Не было, конечно, в этой части города такого демократизма, как, например, на улице Комсомольской. Но все же именно здесь открывался вид на растущий город, или вид на неприятеля – если шли пацанские бои. Дети способны почувствовать многое. Игры со стреляющими лучниками лучше всего было организовывать в логу. И не было там никакой уверенности, что вот поднимешься наверх – и попадёшь на ту же самую улицу, с которой игру начал. Это сейчас сведения о всевозможных порталах стали в некотором смысле модой, а тогда детей спасало только чувство реальности. На верхнем гребне Нагорной с этим чувством всё в порядке было, а вот ближе к логу – терялась уверенность, что ты находишься в современном мире. Чем ниже спускаешься к ручью (Тюменке), тем более расплывчаты становились грани реальности, тем скальнее нависающий гребень лога, уходящий в бесконечность и заслоняющий далёкое небо. И среди трав и рыхлых скатов берега без всякого труда можно было превратиться в индейцев или героев отрядов Ермака, а каравеллы на Нагорной для нас никогда не были случайностью: они парили в воздухе, проникая из параллельных миров или иных неведомых субстанций, или прозаично плескались прямо у нас под ногами.

У Владислава Крапивина в рассказе «Самый младший» читаем: «Севка вспомнил о своём кораблике, который уплыл в океан. Это было весной, когда под заборами лежал грязный ноздреватый снег, а в канавах вдоль высыхающих тротуаров медленно двигалась тёмная вода. Течение подхватило судёнышко, и не успел Севка опомниться, как оно было уже далеко...».

Однако в «Сказках улицы Нагорной» улица поначалу предстаёт перед нами в образе едва не зловещем, с ракурса, обусловленного резким переездом писателя. Вольную привычку к прогулкам по центральным проспектам Владислав силится, но не мог компенсировать ничем в «овражной» субкультуре окружающего мирка. «Фантомные образы» «Тополиной рубашки» даже в бытовых моментах отдают привкусом небывальщины: «Я проснулся. Стучали в стекло. Тихонечко. Лампочка на улице не горела, и в синем ночном окне я увидел чёрную голову в платке и плечи» ... .. Может быть, прогуляться до бочек и ... тряхнуть стариной, а? Это недалеко, где склад вторсырья. Иначе выражаясь, свалка. Слова «вторсырьё» и «свалка» не вязались со сказкой. Но отступить уже было нельзя».

Судьба, однако, ненавязчиво подталкивала будущего романтика к настоящим открытиям, таящимся в пространствах той же улицы. Квартиру в доме Нагорная, 21 для семьи Крапивинных подыскало Управление охоты и рыболовства, в котором работал отчим Владислава Владимир Эдвинович и к которому отношение также имел Валентин Васильевич Попов, проживавший на Нагорной, 32. В старинный и так не похожий на

Татьяна, младшая дочь Валентина Попова, на родной улице

Фото из архива семьи Косполовых.
Автор неизвестен

все знакомые Владу дома особняк В.В.Попова постепенно всё чаще стали наведываться Крапивины, попадая в новую, необследованную часть Нагорной. Кругозор стремительно расширялся, словно с неподвижного берега ступили на качивающуюся палубу, попадая в резонанс с другим миром. Если бы особняка Поповых на Нагорной не было, его стоило бы придумать: амплитуда Нагорной 21 и Нагорной 32 – этих двух так непохожих миров – спровоцировала броуновское движение новых поисков и произвела на свет тот самый ветер странствий, который волновал Крапивина уже в Севастополе и под настоящими парусами. А в доме Поповых уж точно скучать не приходилось.

Бригантины и парусники слоились в языках огня двух огромных печей этого дома, где Владислав постепенно стал обучаться то одной, то другой маленькой хитрости у Валентина Васильевича Попова и у книги его матери – многочисленных изданий с «ять». Его «Тень каравеллы» вырела из этих пиратских видений с длинными мачтами, мерещащихся в печных бликах и на каждом повороте странной улицы.

Культура на «ять»

Да и учитель его – Валентин Васильевич – по морям и дальним плаваниям рано тосковать начал. Он активно участвовал в шляпочных походах и всевозможных романтических предприятиях, так или иначе связанных с ботаникой и зоологией. Мастер был на все руки, занимаясь на станке в огромном бревенчатом сарае размером с двухэтажный дом и начиная именно тогда влюбляться в природу так, как это возможно только в прибрежных районах Тюмени (вспомним Пришвина и его эпопею с постижением сибирской вольницы). Впоследствии Валентин Васильевич стал охотоведом с большой буквы и талантливым микробиологом, из статей которого целая плеяда учеников вырастила свои диссертации. Валентин Попов, окончив Московский Институт эпидемиологии и микро-

Участники шляпочного похода, организованного Валентином Васильевичем (в центре)

Фото из архива семьи Косполовых.
Автор неизвестен

биологии имени Н.Ф.Гамалеи и усвоив навыки исследовательской работы у видных учёных Н.Г.Олсуфьева и В.В.Кучерука, неоднократно посещавших Тюмень, стал профессионалом высокого класса и оставил яркий след в науке. Ему удалось выявить природные очаги туляремии в бассейнах Волги, Камы, Иртыша и Оби, а также опасные очаги пойменно-болотного типа с носителями туляреминого микроба полёвками и ондатрами.

Сибирь известна достаточно древними проявлениями туляремии, усилившимися в связи с миграциями, и нужно было обеспечить регулярное наблюдение за распространением критического агента – возбудителя этой болезни. Валентином Васильевичем был разработан беспрецедентный мониторинг участков в лесах и лесотундре, где регистрировались спорадические заболевания туляремией и очаговые вспышки.

Под его руководством проводились стационарные исследования и летние экспедиции на Север по Иртышу и Оби на специально оборудованном катере «Бактериолог». Рулевой состав и четвёрка бактериологов ставили орудия для отлова грызунов, после чего в лабораториях «Бактериолога» сортировались продукты забора материала для далеко не безопасных опытов.

Камеральная обработка трофеев, написание отчётов и стажировки студентов и работников районных санэпидстанций проходили зимой. Полученные данные имели солидный научный вес и оформились со временем в доклады, прозвучавшие на конференциях в Тюмени, Новосибирске и Москве. Увлекался Валентин Васильевич и охотой, и никого не удивляла не только весьма точная копия Мурильо «Мальчик с собакой», встречавшая всех входивших в дом, но и то, что из-под «купеческой» козетки молодой охотник мог внезапно вытащить за уши к удивлению детворы какого-нибудь пёстрога зайца; а в одну из вёсен целый месяц ненавязчиво нарезал круги над двором Нагорной ставший совсем ручным орёл. В общем, трудно было, находясь рядом с таким человеком, ничего уж совсем от него не взять, и Владу Крапивину с первыми учителями явно повезло.

Владик приходил в гостеприимный дом на Нагорной, второй от угла пересечения с Казанской улицей, где его ждала и уникальная библиотека, и наставник, который показывал столярные фокусы и давал разрешение пользоваться редкими книгами. Дом с причудами, доставшийся семье Поповых от купцов-кожевенников и сохранивший обаяние среднего класса девятнадцатого века, хранил, казалось, какую-то невысказанную тайну. Книжки поглотили Владислава Крапивина – где ещё в то, советское время можно было перечитать от корки до корки фолианты с «ять» и приложения к журналу «Нива», полное собрание сочинений Жюль Верна и Вальтер Скотта!

Старинное пианино марки «Шредер» во время вечеров в стиле русского дворянства

**«Мальчик с собакой»
Мурильо встречал
всех входивших
в дом, а пианино
марки «Шредер»
создавало
атмосферу
семейных вечеров**

Фото из архива семьи Косполовых.
Автор неизвестен

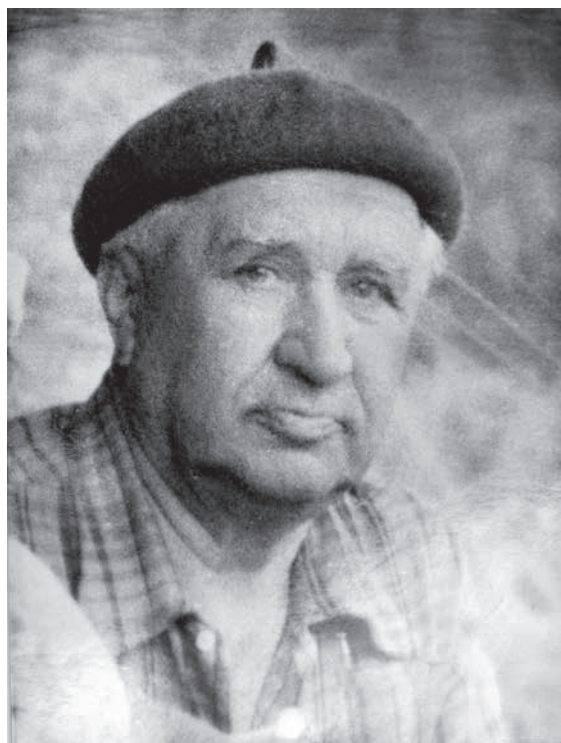
оглашало ряды барачных построек чарующими звуками уходящих веков. Замечательно играли все, особенно поражала игра Валентина Васильевича Попова.

Сам дом, как сообщает семейное предание, первоначально принадлежал роду Шешуковых и его приближённым. Это был двухэтажный особняк с внушительным садом, в котором до советских времён сохранились засыпанные, но просевшие ямы с отходами выделки кож, весной густо зараставшие ландышами. Самого вдового купца не стало в 1870 (1869) году, но сын и дочери унаследовали его строения в Затуменке на самых высоких местах. Одним из этих сооружений и был особняк, выстроенный по всем правилам, где оба этажа – деревянные, обогреваемые круглой «немецкой» и русской печами, окружёнными лежанками-сундуками, были устроены просто и мудро. Со двора лестница гостеприимно вела в дом, и две кладовые «сторожили» вход в него; со временем первый этаж стал играть роль подклета, кладовые, просев, ужались, и дети двадцатого века застали одноэтажный особняк с по-прежнему просторными ходами и переходами и лазом на чердак. Придя в дом на Нагорной, нельзя было не поразиться непреходящей магией прошлого. Нельзя было, образно говоря, не стать другим, тем более в то, бедное на романтику время, когда Владик Крапивин, иногда следуя за своим отцом Владимиром Эдвиновичем Куном, другом В.В.Попова, а чаще – сам по себе, прогуливался от дома № 21, где жил, до бывшего шешуковско-

Молодые охотники В.В.Попов и В.Э.Кун (в центре) с друзьями, семьёй Скакуновых

Фото из архива семьи Косполовых,
ретушь А.Гололобовой

**Валентин
Васильевич
Попов**

Фото Е.В.Гостева
из архива семьи
Косполовых

го особняка № 32. Владимир Эдвинович Кун, интеллигент с трудной судьбой, повергавший женскую часть присутствующих в лёгкий шок обычаем церемонно целовать даме руку, по существу, также был учителем Владика Крапивина, но это отдельная история.

Посвящение в культуру

А в доме Поповых всё было таинственно, торжественно, и ощутить обаяние некого ритуала можно было не только в Пасху или Новый год, вбиравший в то время все приметы Рождества, но и в обычные дни и недели. Владик проходил раз за разом этапы «посвящения в культуру», и разжечь факел из этих первых пробных культурологических залпов впоследствии ему самому уже не составило труда. Любовь к литературе – от запаха старого бука, от замирания перед старинной картиной и присевшей на неё ослепительно прекрасной бабочкой, от мечтаний по дороге домой между всматривающимися в тебя вязами... Мы не ошибёмся, если отметим, что без Нагорной мы не знали бы Крапивина-романтика, Крапивина-исследователя, Крапивина-мечтателя.

... Старинные фолианты и охотничьи трофеи на стенах; венские стулья, тусклое стекло шкафов, сквозь которое поблёскивают золочёные корешки увесистых томов; тенистый сад, белеющий кустами роз и мальв, где мог уместиться десяток домов; печи и сундуки, бревенчатые кладовые и песчаные тропинки в саду... Детство на Нагорной осталось на всю жизнь ощущением неутолённости однажды пережитого чуда. Но мы росли, мир дома возрастал до мира улицы и города, и изменялся масштаб измерений этой «страны снов». От сдвоенных

древесных арок – до одинокого большого поля – в наши детские пять лет; от перекрёстка Ивановых до перекрёстка Логачёвых – это в десять. И уже взрослые мы застревали в этих дебрях, которые Крапивин исходил вдоль и поперёк до его переезда на Грибоедова и живописал впоследствии в «Многоэтажных снах». Не могли мы «пролистнуть» эту улицу, умеющую створаживать время; просто пробежать по ней, прокрутить, как киноленту, поделив невероятный мир на кадры.

Парадоксальная и безбрежная Нагорная, дышащая ветрами странствий, единственная в своём роде, уникальная, выпадающая из формата нашего города... Она пленила и заразила жаждой волшебства будущего писателя и стала явью в образах «Каравеллы», «Пиратской Бандерильи», в фестивале «Крапивинка» и множестве романтических проектов. И всех, кто бывал на ней в разное время, и автора фотографий, без которых не было бы этого материала, – обаятельную женщину, от которой веет солёной морской водой, ветрами дальних морей и мечтами о путешествиях по всему свету... Зовут её Анастасия Гололобова, и она просто не может жить без крапивинской темы, и спасибо ей за это рвение, за отсвет той пламенной романтики, в которую влюблён был Владислав Крапивин, – достойный ученик Валентина Васильевича Попова и чуткий насельник Нагорной улицы.

**Романтик
Владислав
Крапивин на улице
своего детства**

solnechniysad.myl.ru.
Автор неизвестен

В плену тюменского пленэра

Тандем – это Таня и Дина

Выставка «Это было недавно, это было давно» задумывалась для тех, кому дорог наш город. Для тех, кто хотел бы его лучше узнать

Текст **Виктория ЕРМАКОВА**

КТО, СПЕША ПО ДЕЛАМ, способен замедлить шаг и проследить за солнечными зайчиками, прыгающими по стенам бывшего купеческого особняка, кто умеет читать возраст домов по морщинам их давно потемневшего дерева. Вот и получается, что вся она – своеобразный призыв ещё раз обратить внимание на то, как важна старинная застройка для городской ауры, для сохранения местных традиций и духа. Неслучайно авторы работ художницы Татьяна и Дина Цехмистер так довольны, что местом её проведения выбран тюменский драматический театр: «В это огромное здание приходят люди, настроенные на неспешное восприятие того, что их окружает, на вечер в атмосфере искусства – сценического, изобразительного. Надеемся, что почувствуем их внимание, найдём в их сердцах отклик...»

Таня и Дина – члены Союза художников России. Вступили в него в 2021 году и, что совсем уж замечательно, одновременно. Да и много чего они делают в этой жизни вместе, дополняя и поддерживая друг друга, подпитывая собственной индивидуальностью. Когда мы встретились и разговорились, я была удивлена тому, как мысль одной из сестёр подхватывается и развивается другой, насколько они в гармонии и на одной волне. Сегодня у них общее дело – художественная мастерская «Чудеса цвета», где они реализуют не только творческий, но и педагогический свой опыт. И выставляются тоже на пару, хотя, безусловно, каждая из них как художник следует своим правилам, своему видению. Но это, наверное, и здорово, и именно поэтому мне хочется назвать их тандемом. И, проговорив с ними целый вечер, я решила, что в ответах на вопросы не стану распределять для них роли. Где-то будет очевидно, кто именно сейчас взял слово. А где-то совсем не важно, которая из сестёр начала рассказ, а которая его продолжила.

**Художницы
Татьяна и Дина
Цехмистер**
Фото Татьяна
Цехмистер

Из оазиса родом

– Наше детство прошло в старинном тюменском районе, который называется Городище. Великолепные липы над головами, домики с наличниками, двери, которые никто никогда не закрывал, потому что все соседи друг друга знали. Знакомые кошки и собаки... Мы впитывали всё то, что нас окружало, ещё не осознавая ценности этой удивительной среды, наблюдали, как меняется сезон за сезоном, как здешняя природа и сами дома словно переходят из одного состояния в другое. Позже, когда наша семья переехала на улицу 50 лет Октября, мы часто возвращались сюда к родственникам, гуляли по старым улочкам – центр Тюмени тогда уже активно застраивался, а Городище по-прежнему оставалось будто законсервированным и казалось нам настоящим атмосферным оазисом, укрытым от растущих многоэтажек. Не удивительно, что позднее, когда мы уже учились в художественной школе, именно здесь проходили одни из самых наших любимых пленэров.

Замечательным был и дом, в котором мы жили. У нас было очень много книг с картинками. А поскольку наша мама неплохо их срисовывала, на кухне поселился Сеньор Помидор, в спальне – Черепаха и Львёнок. Мы и сами с удовольстви-

Который дом красивее?

Фото Татьяна Цехмистер

ем рисовали на обоях, причём особенно в этом продвинулась Дина. А ещё собирали любимые пластмассовые конструкторы – родители купили каждой по собственному набору, и, надо думать, эти игры развивали наше дизайнерское мышление.

Со временем напитанность городищенским антуражем выведет Дину на тему традиционной тюменской резьбы, внимательное изучение которой выльется в серию открыток, и эти открытки будут удостоены второго места в Казани на конкурсе архитектурного рисунка. А пока мама девочек, когда-то сама мечтавшая о художественном образовании, заметит у старшей дочери интерес к рисованию и примет решение записать её в школу имени Митинского. Таня сходит туда два раза, и о желании заниматься вместе с сестрой в свою очередь заявит Дина.

«Ты же не умеешь рисовать», – попробовала возразить мне тогда мама. На самом деле, единственное, что у меня с детства хорошо получалось, – это изобразить единой линией любую фигуру. Причём все вокруг мне не верили, и даже наш дедушка считал, что я свожу готовые рисунки. Но мама всё-таки отвела меня в школу. А педагог Екатерина Ивановна Куликова что-то, очевидно, во мне разглядела. «Пусть девочка походит», – разрешила она. И только после того, как мы получили задание нарисовать ветку, и я по своему обыкновению сделала это, не отрывая карандаша от бумаги, она окончательно согласилась с тем, что я останусь в группе.

Художественную школу старшая из сестёр окончит раньше, чем получит аттестат зрелости. И чтобы заполнить образовавшуюся без любимых занятий пустоту, решит обратиться к репетитору. Ей посоветуют Елену Котляр – студентку колледжа искусств, которая постепенно начнёт уводить

ученицу от привычной ей классики в сторону дизайнерских решений.

– На первом же уроке мы стали разбирать динамику и статику. На меня обрушились ритмы, метры, кубики, прямоугольники, и мир раскололся надвое. Елена начала ломать – в хорошем смысле слова – подходы, расширять горизонты. И когда пришло время выбирать профессию, мне было понятно только одно: я гуманитарий, и я хочу рисовать. Я обратилась за советом к Екатерине Ивановне Куликовой, и она мне ответила: если ты решила пойти этим путём, поступай в Тюменский колледж искусств. Не в нефтегазовый университет, не в институт культуры, а именно в наш колледж с его уникальной школой, которая даст тебе базу на будущее.

В колледж Татьяна поступила. И без особого труда заманила туда Дину. Тем более что, постоянно заглядывая на занятия к старшей сестре, младшая наблюдала и училась чуть больше, чем остальные абитуриенты.

– В то время, когда мы держали экзамены, конкурс на престижные юридические специальности составлял шесть человек на место, на дизайн – тринадцать. Многие ребята поступали сюда не с первого раза. В результате подбирались люди мыслящие, очень интересные, и учиться с ними было каким-то особенным везением. Курсы набирались маленькие, и отношения на них устанавливались практически семейные. Педагоги знали нас по именам и всегда готовы были дать необходимую подсказку. Играли с нами в снежки. Немножко подкармливали. Вникали во все жизненные обстоятельства. Помню, когда наша однокурсница родила ребёнка, Евгения Станиславовна Качальская прямо на занятиях вязала для малышка пледик.

– В колледж мы приходили к половине девятого утра, домой возвращались после семи вечера, да ещё с целой тележкой заданий к утру. Например, как-то ночью я делала выкраски – цветные растяжки: надо было широкой кистью покрасить бумажные ленты, чтобы добиться незаметного перехода из оттенка в оттенок. Ползаю в коридоре, кисть-щетина жёстко шуршит по бумаге, а Дина, которой с утра

Татьяна Цехмистер, «Первый снег», 2021 г., бумага акварель

Татьяна Цехмистер, «Старая Тюмень», 2019 г., бумага акварель

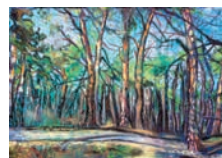

Дина Цехмистер, «Пиляя. Онега», 1984 г.

надо бежать в школу, пытается уснуть в комнате рядом. Всё-таки я свою работу завершила. Встала, чтобы оценить результат. И когда распрямилась, по готовой растяжке с ещё не высохшей краской немедленно прогулялась наша кошка...

– Практические занятия были очень насыщенными. Сегодня готовые холсты можно купить в магазине, а тогда мы сами натягивали мешковину на старые подрамники, проклеивали их желатином и грунтовали. Забирались в заросли камыша, чтобы сделать каламы для занятий – в точности такие, какими пользовались в старину мастера, работающие тушью. Шили сумки и платья, отливали из гипса, изготавливали офорты. А какие у нас были преподаватели! Классической живописью занималась Евгения Станиславовна Качальская. И едва только под её руководством мы начали что-то понимать, как пришёл Михаил Михайлович Гардубей – монументалист совсем с другими требованиями, с желанием видеть широкий размах. Как-то он дал нам задание: скопировать какую-нибудь картину. Я выбрала Ренато Гуттузо. Он глянул: ненавижу этого художника! А у нас через неделю сдача. Что делать? Я всё-таки довела работу до конца. Получила от Михаила Михайловича хорошую оценку. И поняла: он меня проверял. Да, педагоги не давали нам готовых решений. И курс от курса их задания становились всё сложнее и интереснее.

– После Гардубея акварелью и маслом с нами стала заниматься Ольга Фёдоровна Трофимова. А у неё свой подход к взаимодействию со студентами: в живописи она любит посыл, глубину, «изюминки». И может не согласиться с выбором темы. Педагоги нам постоянно устраивали «тесты» на профессионализм. Но чего в нашем кругу точно не было – так это любимчиков, которых тянут за уши. Мы жили очень дружно. Если кто-то не успевал закончить работу к выставке, могли штриховать её в четыре, а то и в шесть рук. Если модель прекращала ходить на сеансы – а тогда ещё не было мобильных телефонов с фотоаппаратами, – «собирали» её по частям: у кого-то срисовывали ноги, у кого-то – грудь или поворот головы.

Дина Цехмистер, «Лес», 2019 г., сухая пастель

Пастельно-акварельный натюрморт с атрибутами

Фото Татьяна Цехмистер

– И, конечно, нас учили думать. Все задания давали со смыслом. Выбирали темы – а это было время до эпохи тотального интернета, – по которым в книгах всего полторы строчки. Меня, например, именно так Николай Павлович Пискулин подвёл к изучению резных наличников. Мы разбирали музейные коллекции, ходили по читальным залам, и особенно любили работавшую в библиотеке музея изобразительных искусств нашу покровительницу Зою Михайловну Чулкову. Маленькая, худенькая, светленькая и потрясающе энергичная, она изучила, наверное, тысячи книг. По любой эпохе, по любому направлению в искусстве могла, не задумываясь, назвать литературу и даже указать нужные страницы. А ведь к ней за подсказкой ходили студенты разных факультетов, не только мы, художники...

Сила места

Студенческие годы были весёлые и классные, вспоминают девушки. После колледжа уже по сокращённой программе они отучились в Тюменском филиале Уральской государственной архитектурно-художественной академии, окончили аспирантуру, а после какое-то время каждая из них шла своим путём. Они преподавали, занимались наукой, совершенствовались в разных направлениях дизайна, получали новые знания. Путешествовали. Выставлялись. И вот подошли к очередной, достаточно большой – примерно 120 работ – совместной персональной выставке. Техника сестёр, язык их работ совершенно индивидуальны. Обе пишут маслом, но в этот раз решили показать пастель и акварель. Пастель – Динина стихия: чистая или комбинированная, положенная на сухую или на мокрую бумагу. Работая с нею, художница, кажется, идёт наперекор привычной мягкости материала. Атмосфера её картин – неожиданно мощная, тёмная, вечерняя, непогожая...

– Я чувствовала связь с пастелью ещё с подготовительного класса художественной школы. Как только взяла в руки, возникло чувство, что чего-то очень долго ждала, а мне не давали. И работать ею было так легко, что однажды я просто себе это запретила. Держалась несколько лет, а потом вдруг спросила себя: да что это я, ведь мне же безумно нравится! Вернулась. И вдруг оказалось, что всё здесь не так уж и просто, хотя по-прежнему по-

трясающе интересно. Можно пытаться сочетать её самым неожиданным образом. Например, с акрилом. Однажды вместе с Таней мы работали на пленэре, и я применила в подложке мадженту, сделала розовый, яркий фон, прямо «вырви глаз»... И ничем он у меня не перекрывался. Целый день старалась, потом, когда дело пошло к вечеру и остался последний шанс что-нибудь успеть, схватила пастель. Прямо по сырой бумаге начала рисовать. И всё: слой лёг. Теперь это одна из моих любимых работ. Меня захватывает ощущение некой грани: может, получится, а может, и нет... Привлекают абстракции, очень нравится рисовать портреты. Наверное, люблю всё, кроме современной урбанистики...

А вот прозрачные акварели – это уже Татьяна. И любовь к ним также пришла ещё в художественной школе. Посчастливилось встретить увлечённого педагога, которая могла вывести учеников под цветущие яблони, сказать: «Дети, сегодня мы пишем зелень» и забрать у всех зелёные краски. В колледже у Тани нашлась акварелистка-соперница, и товарищеское соревнование давало девушкам стимул к росту. А ещё в её жизни было почти пять греческих лет.

– В Греции нет художественного сообщества, чувства локтя, дружеского плеча. Нет возможности сравнивать свои работы с работами коллег, и когда я там жила, то, по собственному ощущению, начала «проседать». Но там я нашла другое: необыкновенный, совсем не похожий на наш свет и колорит. И осознание того, как поймать состояние, характерное исключительно для места, в котором я работаю. Это, кстати, очень важно, потому что места не всегда поддаются художнику. Я вернулась в Россию, вступила в Союз акварелистов. И услышала от сестры, что на самом деле очень продвинулась.

– Это действительно очень важно: искать связь с местом и сравнивать себя с другими художниками. Мы как-то выезжали на пленэр в Крым – в рамках курсов, организованных МГАХИ им. В.И.Сурикова. Набралась группа около ста

Дина
Цехмистер,
«Уральское
наливное», 2019 г.,
бумага
сухая пастель

человек – разных по возрасту, по степени профессионализма. С нами было три наставника – члена Союза художников России. Днём мы рисовали. А вечером на полу огромного зала выкладывали работы, ходили, сравнивали. Включали внутреннего критика. Подсматривали, какими приёмами пользуются коллеги. Это очень многое даёт. Примерно с третьей или четвёртой работы у меня начались личные подвижки. Хорошо получилось, например, с маркерами. На гладкой мелованной бумаге с их помощью можно добиться тончайшего перехода цветов. Помню, сижу на Голицынской тропе в Новом свете, поглощена пейзажем. И тут какая-то девочка подбегает сзади, смотрит и кричит: «Папа! Купи мне такие фломастеры! Я тоже хочу так рисовать!»

Ещё об испытаниях местом... Мы с Диной, бывает, ездим по разным городам: она в прошлом году побывала в Санкт-Петербурге, а я в позапрошлом – в Пскове. Выбрала себе объект – Церковь Покрова и Рождества Богородицы от Пролома, памятник архитектуры 15 века. Было пасмурно, прохладно, я закуталась в плед, начала писать. А через пару часов появилось солнышко, и вся картинка радикально поменялась. А я вместо того, чтобы остановиться, взялась её переделывать. И, как мы говорим, «запорол» – потеряла необходимую акварели прозрачность. Потом четыре дня туда не ходила, писала в других местах. Когда снова пришла, было не просто пасмурно – шёл дождь. Я устроилась в нише кремлёвской стены, погрузилась в работу. Псков – удивительно колоритный: там такое ощущение зыбкости, такие тепло и свет идут от архитектуры... Я даже не заметила, что рядом остановился человек и наблюдает. А он, как выяснилось, почти двадцать минут стоял около меня. Мы познакомились: он оказался реставратором и реконструктором архитектурных памятников. Очень много интересного мне о них рассказал...

– Да, любое место, где приходится работать, частично остаётся в нас, а мы – в нём. Для меня в нашем городе таким знаковым объектом стал Свято-Троицкий мужской монастырь. Рисовать его начала в художественной школе ещё до реставрации, и он казался мне очень и очень сложным. В колледже искусств опять к нему вернулась – тогда пара работ мне уже понравилась. И с тех пор я пос-

Татьяна
Цехмистер,
«Остров», 2021 г.
бумага
акварель

тоянно его рисую: акварелью, пастелью, в разных техниках. И каждый раз он удивляет. Мы с Таней нашли волшебный пятачок в Зареке: смотришь на собор и не видишь реки, хотя он стоит на самом берегу. Выходишь туда: красиво! Шаг в сторону сделаешь, и вот уже колокольня открылась, звонница. И солнце буквально горит в куполах: хоть в пастели, хоть в акварели – сказка!

**Татьяна
Цехмистер,
«Запах
мандаринов»,
2021 г. бумага
акварель**

Между «недавно» и «давно»

Нынешняя выставка – преимущественно новые работы сестёр. Ну, или почти новые. Здесь есть немного Греции и Крыма, чуть больше Пскова и Тулы. Но в основном это всё-таки Тюмень. Минувшее лето обе провели на пленэре. Смеются: можно сказать, жили на улице. Еда с собой, чай в термосе, жара, мимо ходят люди, заглядывают через плечо. Находили старые домишки в кружеве сочной листвы, ещё не стёртые с лица города. Вспоминали студенческие годы, прошились по местам, куда когда-то выходили рисовать под неусыпным оком своих педагогов. Достали фотографии тех лет и поняли, как изменился за последние годы исторический центр. Всё в той же старой Зареке, на улице Щербакова, навестили живописный домик. Когда-то к нему вела через заросли крапивы только узкая тропка, а сегодня кругом бетон. Но сам дом ещё держится. А на улочке Береговой отхватили старинный стул.

– Сели рисовать возле мусорки. Чтобы вы понимали – это классика жанра: художник, а неподалёку свалка или мусорный бак. Начали работать. К нам подошли местные ребята, заинтересованные тем, что мы рисуем их дом. А

потом вышла женщина, а в руках у неё стул без сиденья, крашенный голубой краской. Мы буквально замерли, чтобы не спугнуть удачу. Она поставила его в пустой контейнер, развернулась и пошла по своим делам. Мы выждали несколько секунд, схватили этот стул – и в багажник! Он просто шикарный! Надеемся, что когда-нибудь у нас появится своя мастерская, а это просто готовый для неё антураж. Особенно если его немного отреставрировать. Люди чаще всего не понимают ценности старинных вещей. А ведь они изумительные. У нашей Ольги Фёдоровны Трофимовой сколько раз мы любовались уникальными предметами, книгами. Спрашивали: откуда такие? А она нам: да из мусора!

– А ещё, когда я работала на Береговой, хозяйка одной из избушек попросила нас сделать для неё картину маслом. Жители старых домов, особенно те, кто собирается переезжать, часто хотят сохранить о них память. Многие смотрят и говорят: «Ой, а у вас на картине дом красивее, чем на самом деле!» А мы отвечаем: «Нет, вы просто постарайтесь в него взглядеться!» Наша нынешняя выставка – именно об этом. О том, как много красоты в истории. На портретах, которые мы там представили, – преимущественно немолодые люди. С удивительно одухотворёнными, выразительными лицами. И старая архитектура тоже очень выразительна. И бывает больно, когда мы рисуем дом, любимся им, восхищаемся, а через месяц его уже нет. Поэтому наша выставка – о мимолётности и быстротечности. Об агрессивной среде, которой на самом деле можно противостоять. Пусть человек переедет в комфортные условия, но старый дом останется прекрасным местом для музея или кафе. Давайте ещё раз вместе об этом задумаемся, чтобы наши дети, так же, как и мы, могли иметь собственную вдохновляющую старую Тюмень.

С творческими друзьями после открытия выставки

Фото Марина
Пермякова

Чагвар играет на десятке инструментов, но особо любит гармошку-двухрядку, называя её кормилицей

Человек-оркестр

Сибирский самородок

Чагвар Касимов, 69-летний артист, осенью прошлого года окончательно перебравшийся из Тюменского района в Казарово, пригород Тюмени, в собственноручно построенный дом, – герой, о котором можно только мечтать

Текст **Ирина КОМАРОВА**
Фото **Юрий КОМОЛОВ**

Я БЫ С УДОВОЛЬСТВИЕМ написала о нём повесть, стараясь сохранить интересный ритм речи, вплетая в предложения искристые прибаутки. Но как замешать туда озорной, молодой и совсем не злой смех-смешок Абузаровича?! Вот его точно не передать никаким набором слов... Кстати, в интервью он нередко называет себя Арбузовичем, с хитрецей в глазах проверяя собеседника на наличие чувства юмора и адекватное реагирование (нормально ли, когда пенсионер гуторит о себе как о персонаже анекдота). Так вот о художественном произведении – Чагвар и сам давно горит этой идеей (так что мне остаются

лишь строки в газетах и журналах): как есть, без утайки, рассказать землякам разных национальностей о своём рождении и становлении, о пути к счастью, который выражается в банальной в общем-то житейской схеме «нечего ныть да скучать, лучше делом заняться».

– Книжку всё пишу-пишу, но никак не допишу – мыслей в голове много, а времени нет (и это правда: чередуя дни по чётному-нечётному порядку, он наматывает километры то в Муллаши, где в сельском клубе ждут участники трёх коллективов, то в Юрты Андреевские, где создал ещё один ансамбль, то в Центр татарской культуры на улице Щербакова в областном центре, то на гастроли – прим. авт.). – Помнишь, Ирина, про название?! Ага: «Кто я?». Почему только Чернышевскому можно спрашивать «Что делать?», – Чагвар опять смеётся, и мне остаётся безропотно принять рождающийся сию минуту спектакль и изредка подыгрывать. – Во мне три крови текут: болгарская (это предки отца), сибирско-татарская (от матери) и среднеазиатская (к сартам тоже по материнской линии близок). Все их чувствую. Языки и наречия понимаю.

Отец Чагвара Абузар Касимов – из Глазовского района Удмуртии. В конце 20-х годов решил бежать в Сибирь, надеясь, что среди высоких сосен колхозам жизни нет. Ошибся. Но и обратно не вернулся. А в 1936 году женился на татарочке из Янтыка.

– Дедушка по матери учёный был – медресе окончил, единственный в Янтыке русским языком безупречно владел. Раскулачили его семью. Из дома выгнали. Ушли они в Нижнетавдинский район, в Ипкуль. Туда и мой будущий отец из Удмуртии приехал. Поженившись, молодые осели в Янтыке. Умные у меня были родители – арабскую вязь понимали оба. Детей родили одиннадцать, да только шестеро выжили. Я сохранился. Мой братик-двойняшка – нет. Соседи твердили: и этот загнётся, ведь весил всего полтора килограмма. А я вот он какой: школу окончил, образований несколько получил, армию прошёл, женился да шестерых сам родил, – рассказывает Касимов вкусно, сочно.

Откуда в маленького росточка мальчишке зародилась любовь к музыке, да ещё такая всеохватная?! Так окружение «виновато»: мама меха разворачивала, дед скрипочку мучил.

– Когда родители на сенокос уходили, мы со старшим братом Анваром оставались дома. Анвар стульчик переворачивал и представлял, будто на тракторе едет. А я брал дощечку, рисовал гармошку и садился перед зеркалом «играть». Как-то дед и сказал маме с отцом: «Дорогие родители, покупайте Чагвару гармонь – из него толк выйдет!». Анвар, кстати, шофёром стал, а я всю жизнь в музыке, – и опять эти лукавые глаза смеются.

Его первым настоящим инструментом стала гармонь на 12 кнопочек. Чагвар помнит цену царского подарка – 40 рублей. Играть учился по потрепанному, с трудом раздобытому «Самоучителю». Через несколько лет родители вновь пошли навстречу и приобрели баян за 110 рублей – этой технике дивилось всё татарское село. Обожающий внимание подросток сразу стал звездой Янтыка: как праздник, так он в первом ряду.

По окончании восьмого класса нашёл объявление о наборе в Тюменское музучилище – поехал поступать, полный уверенности в успехе. Да где же: грамоты-то нотной не знал совсем. Ребята в коридорах волновались, повторяли этюды да вальсы, а он носки на сандалиях гнул. Не прошёл, конечно, но своей харизмой покорила балалаечников, за что и был взят без конкурса, а уже через месяц достиг небывалых высот. Состоял в знаменитом Тюменском оркестре русских народных инструментов имени Леонида Беззубова, служил в ракетных войсках стратегического назначения в Перми, после учёбы в Тобольском пединституте 26 лет преподавал историю, немецкий язык и рисование в Янтыковской школе, с супругой Гульшат возродил Центр татарской культуры в Тюмени.

Во многих населённых пунктах Касимов основал фольклорные коллективы, которые живы-здоровы до сих пор. В Муллашах, например, это ансамбли «Пышны», в названии которого угадывается река Пышма, «Хозяюшки» и «Дуван». В первом случае речь идёт о семейной татарской группе, во втором – женском содружестве татарок, чувашек и русских, в третьем – мальчишеском сообществе. В Юртах Андреевских недавно появился «Причал». В Центре татарской культуры Чагвар поучаствовал в создании ансамбля гармонистов «Чинги-Тура», а сейчас приступил к репетициям в новом оркестре, который пока в поисках имени и стиля.

– В Тюменском крае так много талантливых людей – надо поспешить открыть их зрителям и слушателям, – планы как всегда бегут впереди человека с гармошкой. – А с моими теперешними деревенскими ансамблями побывали в Томске, Красноярске, Тобольске, Екатеринбурге, Ульяновске, Пензе, Самаре, Кургане, Крыму, много раз в Казани. У нас зрели грандиозные планы на 2020 год, но карты спутала пандемия, – вздыхает мой герой.

Правда, летом, в первый сезон коронавируса, он умудрился вывезти «Пышны» на малую родину своего отца – на место уже несуществующей деревни Малые Парзи в Глазовском районе Удмуртии (обычно каждый июнь там проводятся «Касимовские дни», которые собирают носителей звучной фамилии со всей страны). В 21-м году дни памяти не состоялись. Вся надежда на грядущее лето. Полгода назад высший класс в столице Татарстана показали гармонисты «Чинги-Туры». В итоге артисты из Тюменской области стали лауреатами I сте-

пени в номинации «Лучший инструментальный коллектив традиционных музыкальных инструментов» на XIII Всероссийском фестивале-конкурсе татарского фольклора «Түгәрәк уен» («В кругу друзей») и собрали овации XXXVI Республиканского праздника народного творчества «Уйнагыз, гармуннар» («Играй, гармонь»). Сейчас в Казани отшиваются костюмы для «Пышны» – возможно, вокалисты поедут в соседнюю республику с приходом тепла, и не просто выступят в каком-нибудь ДК, а посетят большинство сцен по всему субъекту.

Да, в свои 69 он словно мальчишка. Поёт, танцует (и меня учил – ей богу, не вру), может спародировать, может слицедейничать. Инструментами владеет виртуозно: только промычишь – уже подхватит и разовьёт. Артист, конечно! Кроме музыки (а тут не только гармонь-двухрядка – любимица, баян, аккордеон, балалайка, тальянка, курай, мандолина, но и фортепиано, гитара, бас-гитара, скрипка, ударные...) есть у Чагвара Касимова ещё несколько пылких страстей. Это рыбалка, катание валенок, шитьё, стряпня, цветоводство, рисование, фотография и... бокс. Одно другому не мешает, как оказалось. Более того, он разводит уток, куриц и овец.

– Звали меня в мечеть, но гармони там места нет, нельзя туда с ней... Не могу пока инструмент любимый оставить. Это как молитва, – тут Чагвар не смеётся, а тихонько вышёптывает предложения. – И в Казань зовут переезжать – землячество наше зовёт. Тоже не могу. Сибирь для меня – лучшее место.

Его имя, оказывается, с арабского переводится как «ручеек». Так ведь! Журчит. А вот где энергию тот ручеек берёт для каждодневных культурных подвигов, для бесконечных поездок, для суеты житейской?

– Наверное, я за двоих живу: за себя и моего братика. Как же подвести родных? Вместо того, чтоб перечислять ровесникам свои болячки, почёсывая пузо на скамейке, надо вертеться, кормить семью, заниматься творчеством, – уверенно и уже без шуток отвечает гармонист-баянист-балалаечник.

И даже в 69 лет Касимов танцует как мальчишка...

...и бойко руководит женскими коллективами

Счастье ЖИТЬ и ТВОРИТЬ

На все руки мастерица

В творческом кругу её зовут Мила Цой. Есть в сочетании этих слов – очень мягкого, в усечённой форме, имени и звонкой фамилии – нечто литературное. Или даже кинематографичное. Но, кстати, Цой – родная, девичья фамилия моей героини

Текст Ирина НИКИТИНА

НЕ БЕЗ ГОРДОСТИ Мила, Людмила Николаевна, носит и фамилию мужа – Шатохина. Эпитеты к её умениям можно подбирать до полуночи – каждый будет уместен, потому что и умений-то невероятное количество (прядение, ткачество, вязание, вышивание, лоскутное шитьё, кулинария, коллекционирование, дизайн, рисование...). Пожалуй, главный талант, который мгновенно оценивает всякий знакомящийся с Цой-Шатохиной журналист, – талант рассказчицы. Историй на все случаи жизни у Милы-Людмилы – как тканевых обрезков на фабрике. Любую тему начни – она подхватит и выведет к таким берегам, что много дней спустя будешь смаковать её вкусные фразы, как конфетки, будешь удивляться житейской мудрости и жажде учиться – и это в 65 лет.

Фото Валерий Бычков

С единомышленницей Ольгой Козловской накануне открытия музея истории крестьянского быта в Насекина

Фото Валерий Бычков

Из степей в Сибирь

Юг Казахстана. 200 километров от Алма-Аты. Бескрайние степи, исписанные признаниями в любви к малой Родине «строчками» из диких маков, тюльпанов, марьиного корня. Многонациональная среда (рядом в дружбе и согласии жили казахи, немцы, татары, уйгуры, украинцы) с детства учила Люду из каждого момента бытия «добывать» себе счастье.

– Мама – из Хмельницкой области, а отец – с Дальнего Востока, куда его предки пришли из Кореи, – рассказывает она. – Познакомились родители в 1955 году в Казахстане. Оба – строители-мелиораторы – были отправлены готовить целину под зерновые культуры. Я родилась в 1956-м. Через два года – первая сестра, ещё через 11 лет – вторая. Большое влияние на меня оказали бабушки-долгожительницы. Маме сейчас 87 лет. К счастью, активна, бодр. Теперь она с удовольствием руководит кланом. Во мне течёт украинская, польская и корейская кровь. В моих детях и племянниках – еврейская, татарская, казахская. Эта «смесь» делает нас более крепкими и сноровистыми в житейском плане: не получится по-русски – получится по-корейски или ещё как-нибудь, мы в этом уверены!

Люда очень хотела стать врачом: прочитала в старших классах книгу про хирурга, загорелась, спать не могла. Получив аттестат, поехала в Целиноград (ныне это республиканская столица Нур-Султан) поступать в мединститут. И

поступила бы – училась превосходно, но преимущество было у тех абитуриентов, кто носил казахскую фамилию.

– Мне не хватило всего лишь полбалла, – вспоминает моя собеседница. – А сейчас думаю: ну и правильно! Помню, в мои школьные годы папа серьёзно-шутливо страдал: будете плохо учиться – пойдёте в штукатуры. Что вы думаете: я ведь пошла, специально пошла – по комсомольской путёвке от быткомбината. На стройке, признаться, скоро заболела – сквозняки ж всюду летали, и тогда мама осторожно поинтересовалась, не желаю ли перейти в более тёплое место. Так оказалась в проектно-отделе одного завода – устроилась копировщицей. То есть умею писать каллиграфическим почерком пером с тушью!

Через год Людмила взяла приступом Томский институт автоматизированных систем управления и электроники, где готовили инженеров для военно-промышленного комплекса Советского Союза. Экзамены сдала блестяще, но училась без огня в глазах. Защитив диплом, устроилась на военный завод в Новосибирске. В этом городе Цой познакомилась с будущим мужем и вслед за ним переехала в Тюмень.

– Ой, первое знакомство с городом у меня вышло не совсем приятное, если не сказать... грязное, – интригует рукодельница. – Сорок лет прошло, а помню, как будто вчера было. 1980-й год. Апрель. Еду в Тюмень, в образовательный центр «Алгоритм». Уж скоро лето, а на улице Республики – каша по колено. Когда вернулась в Новосибирск, объявила всем, что ничего хуже не видела и никогда, слышите, никогда там больше не появлюсь. А через три года сама стала тюменкой и теперь говорю новым знакомым: добро пожаловать!

Трудилась в проектно-бюро при «Газпроме» инженером-проектировщиком электрических сетей промышленных предприятий. Когда заболела свекровь, уволилась, чтоб помогать ей. Окончательно покончила с технической карьерой с рождением второго ребёнка. У Людмилы Николаевны два сына. Бабушкой пока не стала. Может, к сожалению. А может, так надо. Иначе не было бы времени заниматься творчеством, узнавать Россию. Только в это лето, например, она побывала в Коктебеле, Карелии, Питере и на Псковщине. Уехала путешествовать в апреле, вернулась в сентябре.

– Думаете, небось, такая у меня насыщенная жизнь? А просто прожитые годы научили не брать лишнего, а оставлять только то, что приносит радость. Поездки, знакомства, рукодельная работа – это, конечно, счастье!

Коллекция гвоздей

В профессиональное творчество Шатохина пришла зрелым человеком, но как хобби оно существовало рядом с юных лет. Собирала старые макинтоши, драповые и бостоновые

Работы Шатохиной на первой персональной выставке

Фото Ирина Никитина

пальто, болонью, остатки кожи и немерные (то есть меньше 50 сантиметров) лоскуты из магазинчиков «Сделай сам», всё это переделывала в аксессуары, сумки и одежду иного назначения, что, естественно, выделяло её среди сверстниц в однотипных костюмчиках от советского легпрома. До сих пор ищет, копит, перебирает пуговицы, палочки, камушки, косточки, металлическую фурнитуру, ремни, обрезки меха, шёлка, джинсы, вельвета. Рождённые в результате дерзких, я бы сказала даже наглых, экспериментов вещи служат иллюстрациями эмоций автора, а Людмила Николаевна – чрезвычайно эмоциональный человек.

– Всё моё нутро направлено на то, чтобы перелицовывать выброшенные вещи и вновь показывать их людям. Кажется, сейчас это называется апсайклинг. Специально пришиваю большими стежками к новому материалу поношенный – пусть все видят, что это не родное, а старинное, выдавшее виды, с историей, с судьбой.

В один период занималась куклами из паперклея – самозатвердевающего пластика. Из 20 героев в пределах досягаемости к сегодняшнему дню остался один: кукла-странник «Я знаю!» (в ней мудрость японских хокку), подаренная племяннику на 18-летие. Что такое войлок, знала, но обожать его начала только шесть-семь лет назад. Теперь фантазирует – не остановить. В любое время может сесть за ткацкий станок – благо он стоит в квартире.

А вы знаете, что коллекционирует Шатохина? Кованые гвозди! Началось всё с поездки в село Дубровное Свердловской области, где в одном из заброшенных домов Людмила Николаевна обнаружила «железа» на пять килограммов. А самый настоящий гвоздь коллекции (вот такой каламбур получился!) – это 20-сантиметровый очень старый костыль для скрепления рельса и деревянной шпалы – нашла в Тюмени в районе железнодорожного вокзала. В первую коронавирусную весну придумала применение своим тяжёлым сокровищам: вымачивала

Озорники на колячках в Каменке

Фото Валерий Бычков

их в дождевой воде, а настоящей жидкостью закрепляла окрашенную ткань и напечатанные на ней принты. Никаких химикатов – результат превосходный!

В прошлом же году вместе с подружками-рукодельницами во дворе музея истории крестьянского быта в деревне Насекина провела первый показ мод из подготовленных своими золотыми ручками нарядов. Инициативу поддержали и ныне. Известная ткачиха, педагог Тюменского института культуры Ольга Козловская, например, наткала полотна и сшила потрясающую коллекцию в стиле бохо. Видимо, это станет традицией.

С поклоном на Псковщину

На «Хлебный хутор» в деревне Сорокино Печерского района Псковской области Людмила Шатохина впервые попала в 2017 году. С тех пор ездит постоянно. Аура там особенная, а всем мастеровым – большой почёт и уважение. Вдали от Тюмени наша Мила Цой раскрылась ещё и как оформитель социальных проектов. Стоит только начать выигрывать гранты, как потом трудно остановиться. Но главное – понимать, для кого и зачем ты затеял это нелёгкое, но благородное дело.

– В октябре 2020 года сели с хозяйкой хутора Ольгой Волконской за компьютер и за несколько ночей написали проект «Сохраняя традиции, сохраним себя», – рассказывает Людмила Николаевна. – Грантополучателем стал Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. А исполнителями – мы, творческие люди. В итоге родился ремесленно-фольклорный православный клуб дневного пребывания для детей из малообеспеченных семей, состоящих на учёте в органах соцзащиты, воспитанников Бобровского дома-интерната, учеников воскресной школы монастыря и учеников музыкальной школы из Пскова. Я стала наставником для педагогов. Пригласили коллег из Тюмени – Инна Нестерова и Татьяна Калинина учили ребятню пряхть, рисовать, петь, плясать, играть. Сейчас вновь готовим заявку на грант – хотим поставить на «Хлебном» дом для проживания инвалидов.

Как хороша мастерица в интерьерах дома-музея подруги Зулейхи Алишевой
Фото Валерий Бычков

Много лет Людмила Николаевна была главой клуба лоскутниц «Матрёна»
Фото Валерий Бычков

Очень гармоничная личность! С безупречным вкусом
Фото Валерий Бычков

Чтобы в инклюзивных текстильной и гончарной мастерских молодёжь с ОВЗ работала наравне с квалифицированными мастерами и волонтерами.

Ещё одна задумка Шатохиной – из льняного волокна с Псковщины наткать полотна и шить самобытную одежду, смастерить добрые сувениры. К воплощению подключится руководитель Тюменского Дома ремёсел Наталья Денисова, знатная пряха и ткачиха.

А что касается профессиональных конкурсов и фестивалей, в которых раньше за Шатохиной было не угнаться, то сейчас она перешла в статус эксперта. В конце декабря, например, ездила «жюрировать» в Благовещенск, куда были отправлены рукодельные куклы со всей страны.

– Сколько молодых талантливых мастеров появилось в Тюмени! Мне нравится, что растёт достойная смена, – говорит наша собеседница. – Радуется, что в регионе появилось звание «Почётный наставник». А наше дело – творить и растить новые поколения фантазёров.

ЛЮБАЯ ИСТОРИЯ

МОЖЕТ СТАТЬ ИСТОРИЕЙ

ВАШЕГО УСПЕХА

ПЕЧАТНЫЕ
ИЗДАНИЯ

СОЦИАЛЬНЫЕ
СЕТИ

[vk.com/
tos72](http://vk.com/tos72)

[ok.ru/
tumentoday](http://ok.ru/tumentoday)

ИНТЕРНЕТ-
ПОРТАЛ

tumentoday.ru

(3452) 49-00-22

Фото Александр Романов из архива редакции